

Олег Волков

БУНТ НА СВАЛКЕ

Олег Волков
Бунт на Свалке
Серия «Свалка
человеческих душ», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65519362

SelfPub; 2023

Аннотация

В далёкой колонии взбунтовалась самая крупная на планете тюрьма. Положение критическое. Армии нет, полиция мала, да она и не сможет справиться с огромной армией осуждённых. Но на деле бунт заключённых оборачивается прелюдией к ещё более крупному мятежу. Колония справилась с заключёнными, но ни много ни мало провозгласила собственную независимость. Однако мстительная метрополия просто так не отпустит маленькую, но очень гордую колонию. Впереди война, схватка с противником, гораздо более развитым экономически и технически. Однако на стороне повстанцев родная планета с её негостеприимным климатом и огромным количеством туннелей, которые заменят борцам за независимость леса и джунгли. Тетралогия «Свалка человеческих душ» 1. Иллюстрация создана в «Stable Diffusion».

Содержание

I-ая часть. Подавление	4
Глава 1. Ссора с женой	4
Глава 2. Транспортник	13
Глава 3. Прибытие на Свалку	21
Глава 4. Пэйнтбол	38
Глава 5. Передача власти	76
Глава 6. Предупреждение	86
Глава 7. Разговор с губернатором	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Олег Волков

Бунт на Свалке

I-ая часть. Подавление

Глава 1. Ссора с женой

Тихий, приятный вечер. На землю опустились сумерки, а на небе высыпали яркие звёзды. Дневной зной давно спал. Воздух прохладен и свеж.

Белое авто с открытым верхом легко поднялось на очередной пологий холм. С плоской вершины жилой пояс Пингао–Дохлес похож на протянутую вдоль берега океана широкую полосу огней. Цепочки фонарей освещают пустые улицы, фасады ухоженных домов и низкие живые изгороди.

Кассен Откен убрал ногу с педали газа, автомобиль тут же сбавил ход. На миг возникло желание остановиться, выйти из машины и последний раз полюбоваться жилым поясом, где довелось провести последние пятнадцать лет. Самые счастливые пятнадцать лет в его жизни. Как знать: может ему больше не суждено вернуться сюда, прогуляться по берегу океана и выпить кружку великолепного пива в кабачке старого Сомы. Но легковая машина, двигаясь по инерции,

спустилась с холма. Цепочки уличных фонарей скрылись за стеной тропического леса.

Хорошо знакомая дорога привела к родному порогу. Кажется, будто двухэтажный домик с просторной лужайкой и аккуратно стриженными кустами давно пуст и никто не ждёт позднего путника. В широких окнах темнота. Ни скрипа, ни шороха. Не горит даже лампочка на крыльце у входа. Но на самом деле его ждут.

Автоматика узнала хозяина и гостеприимно подняла ворота. Откен аккуратно загнал машину в гараж. Ворота, шелестя складными створками, опустились на землю. В гараже стало темно.

Вот он и дома. Но... совершенно не хочется выбираться из машины и подниматься наверх. Четыре дня специально задерживался на работе, находил ненужные дела, всё тянул и тянул кота за хвост, но... рано или поздно она всё равно узнает. Так пусть лучше от него, нежели от какого-нибудь случайного болвана. Откен тяжело вздохнул и поднялся из кресла. Рука привычно захлопнула дверцу.

Можно включить свет. Всего одна стандартная фраза, и в гараже, в коридоре и в комнатах зажгутся десятки ламп, но зачем. Он и так великолепно ориентируется в собственном доме. Едва касаясь пальцами стен, Откен прошёл в гостиную.

– Добрый вечер, дорогой, – раздался в темноте ласковый голос супруги.

– Здравствуй, дорогая, – тихо ответил Откен.

В полумраке гостиной угадывается широкий диван и глубокое кресло с толстыми подлокотниками. Через открытое окно доносится шум прибоя. В воздухе витает приятный запах океана и едва уловимых аромат женских духов.

– Зажги свечи, – попросила Тана.

На низеньком столике возле дивана пальцы нашарили зажигалку. Откен зажжёт витые свечи. Маленькие огоньки высветили сидящую в глубоком кресле Тану. Боже! Как же она хороша! Коротенькое платье с глубоким вырезом обтягивает стройную фигуру. Сквозь тонкую ткань просвечивает нижнее бельё. Откен невольно улыбнулся. Частичная нагота – самое убойное сочетание. Заводит и возбуждает сильнее полной обнажённости или вычурности дорогого платья. Минимум косметики, простое полупрозрачное платьице, Тана великолепна.

– Открой вино, – Тана улыбнулась.

Супруга очень любит устраивать романтические вечера при свечах. Лёгкий ужин, немного свежих фруктов, пара ломтиков ветчины и бутылочка вина, обязательно дорогого, с восхитительным букетом вкуса и запаха. Ещё днём, когда Тана попросила отвезти дочку к тётке, он сразу догадался, что ждёт его по возвращению. Печально, Откен присел на диван, любимая женщина даже не догадывается, что таким образом сама подтолкнула его к очень и очень неприятному разговору. Тянуть дальше смысла нет, когда ещё подвернёт-

ся столь удобный случай.

Серая пыль тонкой плёночкой блестит на тёмных боках бутылки. Откен протянул руку. Наверняка оно пролежало не один десяток лет в погребе магазина элитных вин. Серая пыль очень выразительно подчёркивает благородство дорогого напитка. Залитая сургучом пробка на удивление легко выскочила из узкого горлышка. Густой, насыщенный аромат хорошо выдержанного вина поплыл по гостиной. Откен налил полный бокал.

– Может, теперь расскажешь, что тебя мучает последние четыре дня? – ненавязчиво поинтересовалась супруга.

В голосе Таны чувствуется неподдельная забота и нежность. От неё невозможно что-либо скрыть. Она чудесная женщина и великолепная мать.

– Это... Это хорошо, что Рума у бабушки... – неуверенно протянул Откен.

Вроде, столь долго готовился к этому разговору, заготовил целую кучу фраз, но, как обычно бывает, нужные слова в раз вылетели из головы.

– Дело, в общем, в том... Ну, как бы это, поточней... Меня повысили, – Откен отвернулся.

После окончания Шондорского юридического университета Откен сразу же устроился на работу в тюрьму Антал. За двадцать лет прошёл путь от простого надзирателя до помощника начальника тюрьмы по вопросам безопасности или зама по безопасности.

– Так это же хорошо! – Тана подвинула ближе пустой бокал.

Откен тут же наполнил второй бокал до краёв. От волнения и растерянности совершенно забыл налить супруге.

– Неужели этого старого пня Обола наконец-то выперли на пенсию?

– Нет, меня переводят в другую тюрьму.

От скрытого вранья, от бесполезной попытки избежать неизбежного, першит в горле. Откен пригубил вино, но тут же поставил бокал обратно на стол.

– Ну... – Тана призадумалась. – Придётся переезжать на новое место, дом, школа для Румы, но от перемены мест ещё никто не умирал. И как же называется твоя новая тюрьма?

Откен чуть не прикусил губу. Вот он – первый вопрос.

– Официально Глот. Но зеки зовут ее Глотка.

Двумя судорожными глотками Откен осушил бокал до дна и тут же снова наполнил его до самых краёв.

– Э-э-э... И где она находится? – спросила Тана.

Второй, самый главный вопрос. Откен выглянул в распахнутое окно. В темноте, за светлой полосой песчаного пляжа, мерцает океан. Зелёные волны лениво отражаются свет Итаги, повелительницы ночи. Сейчас бы выброситься из окна! Чтоб не мучиться! Только, Откен тяжело вздохнул, бесполезно: второй этаж, внизу мягкий песок. Максимально возможный ущерб – отбитые ноги и ушибленная гордость.

– На Свалке, – Откен с трудом выдавил из себя пару слов.

– На какой свалке? – удивилась Тана.

Неужели столь убийственное название ничего ей не говорит? Но нет, Тана выпрямилась в кресле. На лице от напряжения выступили скулы. Догадалась.

Во всей Федерации Мирема только одна единственная Свалка пишется с большой буквы. Пусть это название невозможно найти в официальных документах, но оно часто мелькает в бульварных изданиях и слетает с языка бойких журналистов.

Тана в упор посмотрела на Откена.

– Откажись! – потребовала супруга.

– Не могу, – Откен виновато развёл руками. – Отказ на чисто разрушит мою карьеру. Мне даже шлагбаум на въезде стеречь не доверят, не то, что в прежней должности оставят.

– Черт с ней, с карьерой! Поработаешь продавцом, грузчиком, дворником. Переучишься, получишь новую специальность и начнёшь заново. Проживём как-нибудь.

– Это уже не важно, – вяло возразил Откен. – Я подписал все документы.

Полный стакан выскользнул из её рук. Тана передвинулась на край кресла и громко скомандовала:

– Свет включить!

Домашний компьютер тут же зажёг в гостинной большую люстру. Аура романтического свидания при свечах с треском рассыпалась на мелкие кусочки.

Откен посмотрел на супругу. Боже! Как же она хороша!

Даже когда в её глазах пылает гнев.

– На сколько контракт?

– Стандартный – двадцать лет.

Глаза Таны вытянулись в узкие щёлочки, а на щеках выступил румянец.

– Я с тобой – не полечу! – ледяным тоном, как отрезала, заявила супруга. – Рума останется со мной!

Великий Создатель. Откен уставился в пустой бокал. Ну где же гром и молния, цунами или хотя бы землетрясение?! Именно такой реакции обожаемой супруги он больше всего ждал и боялся. Прятал глаза, тянул резину, но... Шило всё равно высунуло острое жало из пустого мешка и ткнуло в самое больное место. Откен плеснул в бокал остатки вина. Последняя капля на миг задержалась на горлышке, но тут же обречённо упала.

– Когда улетаешь? – спросила Тана.

– Через две с половиной недели.

– Отлично. Как раз успеем развестись.

– Послушай, – Откен так и не донёс бокал до губ. – Мы не родили второго ребёнка. Если ты выступишь инициатором развода, то потеряешь право на воспроизводство.

– Ну и что! – с вызовом ответила Тана. – Одна – не останусь. А тебе твоё будет как собаке пятая нога! Можешь завести хоть целый гарем и клепать по отпрыску каждый день!

Как же она права. В груди вспыхнул и тут же погас маленький огонёк злости.

Мирем давно и плотно заселён. Каждый житель метрополии может родить одного и только одного ребёнка. Право на воспроизводство нельзя ни продать, ни передать по наследству, ни проиграть в карты. Его можно только реализовать. Обычная практика: при заключении брака супруги обязуются родить двоих детей, чтобы не один, а два раза воспроизвести себя.

Тана поднялась из глубоко кресла и демонстративно одёрнула платье. Боже! Как же она прекрасна! В тридцать восемь она сохранила великолепную фигуру первой красавицы в классе. В своё время пришлось немало постараться, и даже свернуть пару носов, прежде чем Тана приняла предложение выйти за него замуж.

– Я пошла спать, – на миг Тана остановилась возле спальни. – Одна! Диван в твоём полном распоряжении.

Дверь с грохотом захлопнулась за её спиной.

Вот так, Откен залпом осушил бокал с вином, походя, пятнадцать лет счастливой семейной жизни коту под хвост. Отныне и навсегда дорога в супружескую спальню для него заказана. Тана вынесла самое суровое наказание – отлучила от тела. Даже напоследок.

Откен попытался вытряхнуть из пустой бутылки хотя бы капельку вина. Облом. Откен с треском поставил бутылку на стол.

Какое горькое облегчение, когда самое страшное осталось позади. Конечно, знал: так оно и будет. Со всеми так. Без

исключения. Но всё равно до последнего надеялся на чудо. Прошли те времена, когда жёны следовали за мужьями в ссылку в глухомань. Как хорошо, что Рума, шестилетняя дочь, не видела, как раз и навсегда разошлись её родители.

Да и зачем ей отпрапляться за ним в ссылку? Откен вновь взял пустую бутылку, но тут же поставил её на место. Такая женщина, как Тана, не останется одна даже с ребёнком на руках и без права на воспроизводство. Зачем ей ждать двадцать лет? Да пропади оно всё пропадом!

Откен, прямо в ботинках, бухнулся на диван и уставился в потолок. В одиночку прикончил бутылку отличного вина, но алкоголь не принёс желанного облечения.

– Свет выключить!

Гостиная вновь погрузилась в темноту. Откен закрыл глаза. Пусть дорогое вино не принесло облегчения, зато оказалось отличным снотворным. Быстро, не замечая ничего вокруг, Откен уснул. Лишь забытые на столе свечи прогорели до самого рассвета. Но под утро, выбросив на прощанье тонкую струйку дыма, погасли и они.

Глава 2. Транспортник

Грузовой транспортный корабль с безликим номером 419 приближается к планете Дайзен 2. Вообще-то у космического грузовика есть имя – «Метрополия». Оно даже выведено большими буквами на кольце жилого модуля. Но по всем официальным документам Министерства колоний транспортник проходит под всё тем же безликим номером 419. Чиновникам министерства абсолютно наплевать, что нарисовано на внешней обшивке подведомственных транспортников. Хоть название «Метрополия», хоть самое пошлое граффити из самой дешёвой пивной Пасмы, столицы Федерации Мирема.

В рубке управления чистота и порядок. Тихая музыка работающих приборов успокаивает нервы. Не нужно вертеть головой и пялиться на многочисленные датчики, индикаторы и показатели. Если, не дай бог, что пойдёт не так, то бортовой компьютер сам обратит внимание капитана лёгкой трелью. Только в особо тяжёлом случае, при попадании крупного метеорита или аварии главного реактора, противно взвоят сирена. А пока Анк Шустов, капитан «Метрополии», с комфортом сидит в широком кресле и читает очередной детектив из серии «Мир криминала» о похождениях частного сыщика со смешной фамилией Тонингон.

На большом обзорном экране планета Дайзен 2 растёт

прямо на глазах. Унылый мир тёмных оттенков красного. Дурной климат, переломанный рельеф и насыщенная углекислотой атмосфера. Маленькая колония с населением около двух миллионов человек затерялась среди гор и пересохших озёр. Самый настоящий ад для преступников. Третью сотню лет метрополия исправно сливает на Дайзен 2 отбросы законопослушного общества. Как печально выразился витус Пилаг, первый губернатор колонии: «Дайзен 2 превратился в свалку человеческих душ». Сам того не желая, он дал колонии второе гораздо более известное имя – Свалка.

Но Шустова совершенно не волнуют условия жизни на Свалке. Ему посчастливилось родиться на Миреме. Работа межзвёздного перевозчика оплачивается очень даже хорошо. Настолько хорошо, что можно потерпеть зловещий вид красной планеты по ту сторону обзорного экрана. Другое дело, когда он выработает стаж и уйдёт на заслуженный отдых, то обязательно поселится в 19 световых годах от Свалки в тихом уголке старичка Мирема. Лучше всего там, где много простора, зелени, а красный песок всего лишь устилает садовые дорожки.

Маленький ридер удобно держать в руке и легким нажатием пальца переворачивать страницы. На дежурстве всё равно делать нечего, вот и остаётся читать, читать и ещё раз читать. Недаром экипажи космических кораблей слывут самыми начитанными. Но чем закончится очередное гениальное расследование утуса Тонингона, так и не удалось узнать.

Прямоугольные часы над обзорным экраном показали 16 часов. Тут же запищал зуммер вызова. Диспетчер «Снежинки», большой орбитальной станции на орбите Свалки, очень хочет поговорить. Анк с большим сожалением оторвал взгляд от ридера.

– Связь разрешаю, – произнёс Анк.

Бурным потоком, словно сломив плотину, в рубку управления ворвался знакомый, немного хрипловатый голос:

– А-а-а! Так это ты?! Старый хрен! Я тут, понимаешь, заступил на дежурство, а «Снежинка» докладывает: какая-то хрень летит в нашу сторону!

Анк улыбнулся и уже без сожаления отложил ридер в сторону. На Ансуда, болтливого диспетчера «Снежинки», грех обижаться. Их своеобразная дружба длится больше десяти лет, буквально с самого первого рейса на Свалку. Что может быть приятней, чем сменить обстановку и разнообразить круг одних и тех же лиц старым и неуёмным на солёные шутки другом.

– Я те дам «хрень»! – шутливо пригрозил Анк. – Если ты до сих пор не понял, к твоему орбитальному корыту приближается самый лучший транспортник Федерации Мирема, с самым гордым названием «Метрополия»!

– А-а-а! Вспомнил! – динамик выплеснул порцию задорного смеха. – Ты – тот самый капитан, которому по большой и очень глупой ошибке выдали капитанский патент! Я прав?

– Да, это я, – спокойно, не поддаваясь на провокацию, от-

ветил Анк.

– И неужели красавица Арсика до сих пор пускает тебя в свою койку? – поинтересовался Ансуд.

– Да куда она денется! – с вызовом ответил Анк. – Как только «Метрополия» отчаливает от старика Мирема, она моя и только моя! И мне плевать, что в Наймоне её ждёт какой-то там муж.

Путь от Мирема до Свалки не близкий. Ни один параграф полётного устава не в силах отменить сексуальные потребности. От чересчур долгого воздержания крыша съезжает не только у мужчин, но и у женщин. Чтобы не пачкать кровь химией, транспортники комплектуют смешанными экипажами. Но и это ещё не всё. Чтобы не создавать проблем на личной почве, мужчины и женщины официально заключают так называемый космический брак. Иначе говоря – кто с кем спит и кто кому не имеет права отказать.

Иногда космические браки перерастают в официальные, заключаемые под торжественную музыку и слёзы радости матерей. Но не всегда. Гораздо чаще мужчины предпочитают оставлять на Миреме официальную жену, а длительные межзвёздные путешествия проводить с женой космической. Обратная ситуация, когда отважная покорительница космоса делит постель с космическим мужем, а дома её ждёт законный супруг, встречается гораздо реже. И тем более смешной и нелепой выглядит случай, когда космическая жена холостого капитана «Метрополии» официально замужем за дру-

гим.

– Везёт тебе безбожно, – со вздохом заметил Ансуд. – Любит она тебя, что ли?

– Любит. Любит. Ещё как любит. Каждую неделю по три раза, – заверил Анк.

– Тогда чем на этот раз нас порадуют твои бездонные трюмы?

– Ну... как обычно, Ансуд, как обычно: десять контейнеров с первосортным свежим мясом. Во! Пальчики оближешь, – пообещал Анк.

– Ну-у-у... – разочарованно протянул Ансуд. – У нас этим добром вся Глотка забита, под самую глотку! – скаламбурил диспетчер.

– Э-э-э, не-е-е... Не спеши... – улыбнулся Анк. – Я же сказал – первый сорт.

Анк выждал эффектную паузу и выпалил на одном дыхании:

– Да я вам нового Погонщика везу!

– Да ну! Быть не может! – ахнул Ансуд.

Весть о новом начальнике Глотки настолько заинтриговала Ансуда, что он включил видеопоток. На переднем экране, заслонив унылую Свалку, появился болтливый диспетчер.

За прошедший год Ансуд совершенно не изменился: как был, так и остался вечным подростком с гривой пышных волос, наскоро прилизанных расчёской. Куртка диспетчера всё так же расстёгнута не по уставу, мятый ворот рубашки всё

так же выглядывает наружу.

– Точно новый? – недоверчиво переспросил Ансуд.

– Точняк! – заверил Анк. – Клянусь самым дорогим, что у меня есть – попкой Арсики. Да не видать мне её в горизонтальном положении!

– Кто такой? Как зовут? Какой из себя? Пофигист, пьяница? Как... – диспетчер «Снежинки» выплеснул море вопросов.

– Э-э-э! Притормози! – Анк поднял правую руку. – Всё, что мне известно, так это его имя – Кассен Откен. И то, что перед отправкой к вам его с треском выгнала жена.

– Ну, этим нас не удивишь. Других к нам и не отправляют, – Ансуд едва не подавился смехом. – Ты вот что: как пристыкуетесь, давай в бар заглянем. Такое дело, понимаешь, обмыть надо.

– Что именно обмыть? – спросил Анк. – Прибытие «Метрополии» или нового Погонщика?

– И то и другое достойно быть помянуто кружкой доброго пива, – объяснил Ансуд. – За «Метрополию» платишь ты, а за нового Погонщика, так и быть, заплачу я. Идёт?

– Вполне, – согласился Анк. – Но чур: на Свалку меня не тащить.

Весёлый диспетчер недовольно поморщился и, чеканя каждое слово, произнёс:

– Не называй мой дом свалкой. Прошло три года, а ты так и не избавился от этого глупого суеверия.

Бешеная «популярность» Свалки породила страшное поверье. Экипажи космических транспортников уверены на все сто: достаточно хотя бы раз ступить на её поверхность, как тут же превратишься в аборигена. Навсегда. Может и звучит глупо, но, на всякий случай, лучше провести пару недель на орбитальной станции в четырёх стенах, лишь бы только не проверять на себе подлинность поверья.

– Прости, – Анк развёл руками. – Только, ради бара «Пьяный космонавт», не пытайся утащить меня к себе домой.

– Ладно, чёрт с тобой, – Ансуд вновь улыбнулся.

Болтливый диспетчер совершенно не умет обижаться и копить на кого бы то ни было злость, поэтому у него полно друзей.

– Пора завязывать, – Ансуд глянул в сторону и отключил видеопоток. – Жди меня в «Пьяном космонавте». Вы как раз пристыкуетесь, а моя смена закончится. Выпьем. Только без меня не начинай.

– Боишься, спушу твой заказ? – усмехнулся Анк.

– Ещё как боюсь, – легко согласился Ансуд. – За подборку журналов мод с самого Мирема наши женщины готовы тут же, прямо на столе, выйти замуж. Так что будь осторожен. Пока. До встречи.

– До встречи, – попрощался Анк.

Насчёт журналов мод и предложения выйти замуж Ансуд прав на все сто. Закон чаще всего нарушают мужчины. Вот и не хватает на Свалке женщин. Не то, чтобы очень, но впол-

не достаточно, чтобы убеждённого холостяка местные жители воспринимали не иначе, как самого тяжкого неудачника. Выйти замуж – высшая награда, какую только может предложить местная красавица.

До конца полёта чуть больше двух часов. Анк подобрал ридер и вновь погрузился в чтение. Интересно: утус Тонингон поймает неуловимого вора, который спёр легендарный, почти мифический, бриллиант под романтическим названием «Слеза Леи-целительницы»?

Глава 3. Прибытие на Свалку

Перевозка грузов в больших стандартных контейнерах давно оправдала себя со всех сторон. Отпала надобность в трюмах, цистернах и грузовых платформах. Более того, ледяной анабиоз превратил пассажиров в точно такой же груз, который ничем не отличается от медной руды, запчастей для машин или детских игрушек.

На борту космического корабля от пассажиров никакого проку. Пусть чувствовать себя глыбой льда не очень приятно, зато экономия воды, воздуха и пропитания на порядок снижает транспортные расходы.

Через пару часов «Метрополия» пришвартовалась к орбитальной станции «Снежинка». Два зелёных контейнера с синими полосками отцепили от внешних ферм транспортника. А ещё через час атмосферный челнок доставил их на поверхность планеты. Путешествие, которое для Кассена Откена началось в анабиозном центре на Миреме, закончилось в анабиозном отделе Космопорта имени Пилага на Дайзен 2.

Откен глубоко вздохнул и открыл глаза. Такое чувство, будто его вытащили из сугроба, занесли в дом и погрузили в тёплую ванну. По коже бегают мурашки, а в ступни тычутся мелкие иголочки. По телу расплзлась страшная слабость, будто бухал целую неделю и налегал исключительно на чи-

стый спирт.

Откен ухватился за край странной прямоугольной ванны и с трудом, хрипя от напряжения, перевёл тело в вертикальное положение. С запястий, словно сытые пиявки, отвалились разноцветные трубки.

– Добро пожаловать на Дайзен 2, витус.

Откен ошалело посмотрел по сторонам.

Небольшая светлая комната очень похожа на кабинет врача в самой обычной поликлинике: белые стены и потолок, тепло и пахнет медицинской химией. Прямо перед ванной стоят двое. Один, что пониже ростом и покрепче телом, держится уверенней, чем молодой и высокий парень, который нерешительно выглядывает из-за спины старшего товарища. На обоих чёрная форма тюремных надзирателей. Откен несколько раз с усилием моргнул. Вот уже третий десяток лет приходится носить точно такую же. Хотя нет, не совсем надзиратели. Красными крестами на чёрных рукавах выделяются эмблемы медработников.

– Вам помочь? – тот, что пониже, учтиво наклонился.

– Благодарю. Я сам, – Откен упрямо мотнул головой.

К чёрту помощь. Откен поднатужился и приподнялся. Он сам и только сам выберется из анабиозной капсулы. Точно! Похожая на гроб металлическая ванная на самом деле – анабиозная капсула. Значит... здравствуй, Свалка. Всего-то заснул на пару минут, а уже в 19 световых годах от родного дома и..., и от Таны.

Сердце сжалось в комок. Волна горечи и злости на долбаный мир поднялась из желудка и обожгла щёки. Пальцы, густо заляпанные анабиозным раствором, проскользнули по гладкой стенке капсулы. Откен перегнулся через край, подался всем телом вперёд и спрыгнул на пол. Точнее, попытался спрыгнуть. На деле едва не шмякнулся. Откен с трудом удержал равновесие. Голые пятки едва не разъехались в разные стороны. Осторожно, боясь упасть, Откен выпрямился.

Ледяной анабиоз прекращает абсолютно все обменные процессы в организме, так что дистрофии мышц можно не бояться. Но погружение в лёд не проходит бесследно. Пробуждение, или разморозку, проводят только квалифицированные врачи.

– Витус, душевая кабина сразу за вами, – подсказал тот, что ниже.

Откен кивнул и развернулся на месте. Пятки опять едва не разъехались на гладком полу. До узкой белой дверцы больше трёх метров – господи, как далеко.

Анабиозный раствор. Бр-р-р!!! Гадость редкостная. Да и не раствор вовсе, а самая настоящая слизь. Скользкая и липкая. Пока ещё влажная – терпеть можно. Но! Как только начинает подсыхать, как кожу на груди и плечах раздирает противный зуд. Будто обгорел на солнце, и кожа лезет с тебя лохматыми пластами. Не зря рядом с анабиозными отделами устраивают душевые, чтобы сразу же после пробуждения смыть с себя эту гадость.

За белой дверцей с архаичной ручкой в виде стальной скобки самая обычная душевая кабинка. На полу пластиковая решётка, слава Создателю, нескользкая. Откен с трудом переступил через порог, на дверном косяке остались липкие отпечатки.

– Воду – включить! – громко скомандовал Откен.

Стандартная команда, которую должен понимать любой даже самый тупой домашний компьютер. Только ничего не изменилось. Круглый распылитель над головой по-прежнему сух, как песок и камни в знойной пустыне.

Может, душ неисправен? Неужели придётся возвращаться к тем двум идиотам с красными крестами на рукавах? Хотя нет, Откен протёр глаза. Из стены, на уровне пояса, торчат два механических крана. На одном синяя точка, на другом – красная.

Примитив! Откен слабо ткнул кулаком в стену. На этой Свалке, забытой Создателем и людьми, даже душа нормального нет. Всего лишь две трубы с механическими кранами и никакого голосового управления. Что дальше? Пляски с бубенцом, чтобы узнать прогноз погоды?

Откен крутанул кран с синей точкой. Из распылителя ухнул поток холодной, как лёд, воды. Хессан вас всех побери! Откен крутанул кран с красной точкой. Грязная ругань помогла: бьющий из распылителя поток быстро стал терпимо холодным, потом приятно прохладным, а ещё позже горячим. Засохшая на теле слизь размякла и потекла на пол мут-

ными ручейками.

Какое блаженство. Не жалея ни себя, ни воды, Откен самым тщательным образом смыл с себя остатки анабиозного раствора. Жидкое мыло и мочалка с длинными петлями вместо ручек нашлись рядом в полинявшем ящике. Пришлось по старинке пачкать мочалку мылом и самому себе тереть спину. А как раньше это делала Тана... Как она умела превращать банальную гигиеническую процедуру в увлекательную игру. Понутив голову, Откен вышел из-под душа.

Трудности продолжают. Раз местный душ не душ вовсе, а примитивная гидравлика, то вряд ли в него встроен режим просушки. Тогда как стать сухим? Стеллажа с полотенцами, или хотя бы просто крючка с полоской ткани, поблизости не наблюдается. Нужно мыслить логически, Откен завертел головой.

Раз на Свалке всё же есть некое подобие душа, то рядом с ним должно быть хотя бы некое подобие сушилки. Не шлёпать же в промокшем виде. Так и есть, в углу, в маленьком закутке за душевой кабинкой, нашлась надпись «Просушка», а под ней маленькая красная кнопка. Автоматики ноль, опять ручками.

Как и следовало ожидать, местная просушка примитив, не лучше душа. Струя тёплого воздуха падает сверху и тут же уходит в металлическую решётку под ногами. Худо-бедно удалось высохнуть. Волосы чуть влажные, зато на руках и груди не блестят мелкие капельки воды. Но, словно же-

лая окончательно dokonать его, в стене слева что-то ухнуло и брякнуло. С тихим шипением отворилось маленькое окошко.

Что там? Откен заглянул внутрь.

– Да чтоб вам электричество отключили! Бабы давать перестали! – Откен разразился грязной руганью.

Аборигены мало того, что заставили мыться в примитивном аппарате, так под конец предложили надеть красный зековский комбинезон и красные же зековские ботинки. Бирка с числом 49 на ботинках и ещё одна с числом 56 на отвороте комбинезона подчёркивают, что комплект предназначен специально для него.

От злости трудно дышать. Так бы и прибил первого встречного. Откен кулаком отворил серую дверь и вышел в накопитель. Точно накопитель. Раз на Свалку привозят исключительно заключённых, то за душевой в анабиозном отделе вполне резонно ожидать большую комнату с двухъярусными койками без одеял и подушек. Каждый новоявленный абориген приходит в себя в анабиозной капсуле, отмывается в душевой, там же надевает тюремный комбинезон и выходит сюда, ждть товарищей по нарам.

На счастье будущих подчинённых, на ближайшей койке нашёлся зелёный чемодан с его именем. Откен приложил большой палец к сенсору. С тихим щелчком чемодан открылся. Как знал, как знал, Откен вытащил чёрный китель. Собирая вещи в далёкий путь, на всякий случай прихватил

полный комплект формы тюремного надзирателя, а также чёрные ботинки, щётку, зубную пасту и пару носков на первое время. Если и носки здесь красные со штрих-кодом на пятке, то самое время вешаться на первом же крючке.

Неторопливо одеваясь, с наслаждением натягивая носки, Откен невесело улыбается. Начальство, не мудрствуя лукаво, отправило его на Свалку как простого заключённого. Уверен на все сто: весь путь до этой чёртовой планеты он пролежал в одном штабеле с уголовниками. Ладно, разморозили в первую очередь. А то ещё не хватало толкаться в накопителе с будущими подопечными. Достаточно того, что только двое из тюремного персонала видели его голым. Один хрен завтра поутру эти самые медики начнут рассказывать байки о размере его мужского достоинства.

Застегнув последнюю пуговицу, Откен присел на койку. Неприятная мысль сверлит голову. Осуждённых отправляют на Свалку по мере накопления. Ровно десять зелёных контейнеров с синими полосками по шестьдесят человек в каждом. Не по собственной воле довелось занять чьё-то место. Завидно и обидно – какой-то жулик, осуждённый гнить в этой дыре, выиграл возможность понежиться в благодатных объятиях родного мира месяц–полтора. За возможность открыть форточку и вдохнуть свежий морской воздух с удовольствием бы отдал должность начальника местной тюрьмы. Но... не судьба.

Последним из чемоданчика Откен вытащил наладонник.

В развитом информационном обществе невозможно обойтись без персонального средства связи с планетарной информационной сетью. Карманный компьютер размером с ладонь служит телефоном, навигатором, записной книжкой, а также выполняет кучу мелких, но не менее полезных и приятных функций.

Откен включил наладонник. Карманный компьютер быстро проскочил загрузку, тестирование и озабочено замигал красной антеннкой. А существует ли на Свалке информационная сеть? Мигнув последний раз, антеннка позеленела. Существует – и то легче. На экране появилось до жути интересное сообщение. Откен быстро пробежал глазами по чёрным строчкам и опять, в который раз, невесело улыбнулся.

Свалка не уступает Мирему ни размерами, ни массой, вот только летит вокруг Дайзена в четыре раза быстрее. В местном году всего четыре месяца. Аборигены не придумали ничего лучше, как прямо так и назвать их: «зимний», «весенний», «летний» и «осенний». Да и дней в этих самых месяцах заметно меньше: в зимнем и летнем 24, а в весеннем и осеннем и того меньше, всего 23. Но самое печальное другое: продолжительность местных суток 20 часов. Да ещё хор, последний псевдочас, который компенсирует оставшиеся 19 минут.

Аборигены живут по собственному календарю. Даты стандартного летоисчисления можно найти разве что в официальных документах. Едва вступив на Свалку, он сразу поста-

рел с 41 года до 190. Да и срок кабального контракта, будь он трижды проклят, автоматически вырос с 20 до 90 лет – мелочь, а всё равно противно.

Наладонник попросил разрешения перейти на местное время. Откен тяжело вздохнул и щёлкнул ногтём по кнопочке с надписью «Да». Как бы ни хотелось, но придётся жить и по местному календарю, и по местному времени. В правом верхнем углу тут же загорелась местная дата: 23 осенний 1548 года, пятница. Будь она проклята. Потыкав пальцем по настройкам, Откен заодно вывел на экран стандартное время: 2 июня 7347 года, суббота. Чтобы привыкнуть к местному календарю, понадобится время. Пусть, пока, на экране соседствуют две даты.

Наладонник заиграл прямо в руке. На экране появился символический конвертик с надписью: «Получено сообщение». Вот оно как – не успел натянуть трусы и причесаться, а уже засыпают сообщениями. Что там? Откен щёлкнул ногтём по конвертику.

Если отбросить вежливые обороты, поздравления в честь счастливого прибытия и пожелания успехов в деловой и личной жизни, то сообщение совсем короткое: витус Рекоу, действующий начальник тюрьмы, забронировал для него самый шикарный номер в самой шикарной гостинице, а также открыл в местном банке счёт на его имя. Отныне можно бродить по местным магазинам и сорить деньгами. Какая радость! Как будто больше всего на свете мечтал затариться

местными сувенирами. И, конечно же, старый динозавр ждёт не дожждётся, чтобы спихнуть на преемника эту чёртову Глотку.

В том, что витус Рекоу не пришёл встречать лично, ничего удивительного. Анабиоз – штука коварная. Откену посчастливилось почти безболезненно перенести погружение в лёд. Но везёт далеко не всем. Некоторых в прямом смысле приходится вытаскивать из капсулы и реанимировать. Препараты для заморозки кого-то усыпляют, а кого-то едва не отправляют на преждевременное свидание с Великим Создателем. Из-за чего заключённых размораживают тюремные медики. Не было никакой гарантии, что Откен не провалится пару деньков в глубоком беспамятстве. Тогда витус Рекоу, как последний дебил, торчал бы у порога накопителя. Ну не дурак же он.

И последнее – расписание местной подземки. Как раз через десять минут в Финдос, столицу колонии, отходит поезд. Если поднажать, вполне можно успеть.

Закрыв чемоданчик, Откен поднялся с койки. Накопитель – та же тюремная камера, просто так наружу не выйдешь. Тяжёлая стальная дверь с массивным замком надёжно закрывает выход. Подойдя ближе, Откен заметил на потолке стеклянный глаз видеокamеры. Замок с дистанционным управлением громко щёлкнул, едва Откен дотронулся до ручки.

Колония на Свалке в прямом смысле закопана под землю. Города и посёлки, заводы и фабрики, дороги и фермы укры-

ты в толще планетарной коры от жестоких ветров, проливных дождей, жуткой стужи и адского зноя. Можно прожить целую жизнь, но так ни разу и не увидеть над головой зелёного неба.

Никакой не поезд, а всего лишь самодвижущийся вагончик быстро довёз Откена до Центрального вокзала. Между космопортом и Финдосом всего четыре с небольшим километра. Случайные попутчики, двое мужчин и женщина в форме техников, с плохо скрываемым любопытством пялились на него всю дорогу. Как будто у него две головы или три уха. Не иначе слух о прибытии нового Главного погонщика разлетелся по всей планете.

Наконец дверцы самодвижущегося вагончика разошлись в стороны, Откен с превеликим облегчением вышел на перрон Центрального вокзала. В глаза бросилась эмоциональная надпись на противоположной стене:

«Дайзен 2 – наша планета! Мы любим его таким, какой он есть!»

Ни здарсьте, ни добро пожаловать, а сразу в лоб – мы любим. И точка. Провинциалы. По Мирему ходят многочисленные слухи и анекдоты о комплексах неполноценности жителей далёких колоний. Так оно и есть. Откен на миг задержался перед эмоциональной надписью. Все они тут дебилы и недоноски. Нормальным людям, законопослушным гражданам, совершенно незачем покидать лоно материнской планеты.

В иной ситуации, будь он простым туристом, то с удовольствием побродил бы по Финдосу. Как-никак, а ни разу не доводилось бывать в подземных городах. Несколько жилых уровней, широкие туннели вместо улиц и купола площадей – наверно, выглядит очень здорово. Если путеводитель не врёт, столица Свалки располагается на четырёх уровнях. Как несложно догадаться, первый – самый престижный. Состоятельные граждане предпочитают жить над головами простых смертных. Но, Откен бросил лишь пару равнодушных взглядов на убранство подземного вокзала, бродить с путеводителем и фотоаппаратом по улицам и уровням Финдоса абсолютно не хочется. Заключённого в первую очередь интересует, когда он выйдет из тюрьмы, а не архитектурные изыски тюремного двора. Эскалатор вынес Откена из Центрального вокзала напрямиком на Площадь пионеров, центр Финдоса.

Площадь густо засажена высокими елями. Ветер шевелит пушистые кроны. Воздух пропитан запахом свежей хвои. Над головой сияет огромный светильник – жалкое подобие ласковой Геполы, звезды метрополии. Центральную площадь размерами в полкилометра аборигены превратили в небольшой парк. На другом конце площади должен быть отель «Зелёная роща», тот самый, самый шикарный. Впрочем, не исключено, что он же единственный.

Да-а-а, Откен обошёл площадь по дуге. Вполне естественное желание первых поселенцев перенести в красные пески Свалки частицу родного мира за три столетия выроди-

лось в пустопорожнее подражание. Вместо настоящего трёхэтажного здания с крышей и стенами под вывеской «Зелёная роща» находится трёхэтажный фасад. Внешне как бы обычный отель, а на деле выдолбленные в основании огромного купола номера и коридоры. Может, здесь и лифта нет, за ненадобностью? Вдоль кольцевой дороги понастроены точно такие же липовые фасады ресторанов, правительственных офисов и жилых домов. Господи, Откен недовольно поморщился, какое убожество.

Лифт в местном пятизвёздочном заведении всё же есть. Напротив входа в отель широкие двухстворчатые двери блестят никелированными ручками. Звон маленьких колокольчиков над входной дверью привлёк внимание портье. Над высокой стойкой показалась круглая голова с прилизанными волосами и дежурной улыбкой.

– Добрый день, витус Откен, – портье так и светится поддельной радостью. – Очень рад видеть вас в нашем отеле в добром здравии.

– Благодарю вас, – Откен остановился возле металлической стойки. – Для меня должен быть забронирован номер.

– Конечно, витус, конечно, – закивал портье. – По указанию витуса Рекоу, за счёт исправительного учреждения Глот, вам забронирован самый лучший номер в нашем отеле. Номер 37. Прошу вас – ключ.

– Благодарю вас, – Откен взял протянутую пластиковую карточку.

– Пожалуйста, – портье показал холёной ручкой на двери лифта. – Третий этаж налево. Приятного вам отдыха.

Было бы не удивительно, если бы портье вручил самый настоящий металлический ключ, анахронизм, который нужно вставлять в так называемую замочную скважину и проворачивать несколько раз. Но нет, цивилизация на Свалке всё же доросла до электронных ключей. Достаточно поднести пластиковую карточку к замку, как он ту же откроется. Даже из бумажника доставать не нужно.

Чтобы ни говорила надпись над входом, но «Зелёной роще» ох как далеко до настоящего пятизвёздочного отеля. В лучшем случае звезды три, не больше. Внутри лифта никелированные перила, большое зеркало и три кнопки на левой стенке. Будь отель хотя бы на четыре звезды, то из лифта обязательно выскочил бы молодой лифтёр в красной ливрее и в прямоугольной шапочке на коротко стриженной голове. Сухим от важности голосом служащий осведомился бы, на какой этаж изволит подняться новый постоялец. А так... Войдя в лифт, Откен зло ткнул пальцем в верхнюю кнопку.

У портье не хватило наглости, или глупости, обозвать самый лучший номер в отеле люксом и тем более суперлюксом. Так себе апартаменты: просторная гостиная с диваном, телевизором и баром, уютная спальня с широкой кроватью, ванная и туалет отдельно. О-о-о! Здесь даже окно имеется.

Так-то не плохо, Откен остановился на пороге. Но... в убранстве номера начисто отсутствует налёт роскоши и ве-

личия древней аристократии, который так нравится в настоящих пятизвёздочных отелях старичка Мирема. В спальне Откен бросил чемоданчик на кровать и присел прямо на заправленное покрывало.

Что делать дальше?

В принципе, можно закосить на нездоровье и день—два забить на все дела. Тем более сегодня пятница, канун выходных. Пусть думают, будто он отходит от анабиоза. Или всё же пройтись по местным магазинам? В своём послании витус Рекоу ничего не сказал о кредитной карточке. Возможно, аборигены пользуются отпечатком большого пальца. Или, Откен выглянул в окно, завалиться в самый дешёвый местный кабак и спустить половину подъёмных денег. Не — лучше обе половины.

Откен криво улыбнулся. По местным меркам начальник исправительного учреждения Глот — большая шишка. На ровном месте. Крупнее, разве что, самая большая жаба в здешнем болоте — губернатор колонии витус Гажан. На Миреме Откен был незначительным чиновником, а здесь — фигура! Местная элита. Только такое возвышение совершенно не радует. Абсолютно. Лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов.

Откен наклонил голову. Широкая двуспальная кровать с толстым одеялом и парой взбитых подушек. На таком шикарном ложе грех спать в полном одиночестве. Но. Но. Но.

С учётом космического перелёта, с момента назначения

на Свалку минуло больше пяти стандартных месяцев. А кажется, будто с того «романтического вечера» и до вселения в этот поганый отель прошло не больше двух недель. Всё в этом мире относительно. В том числе и восприятие времени.

Откен тяжело вздохнул. Тана. Некогда любимая, некогда единственная, некогда самая дорогая во вселенной женщина. Тана наотрез отказалась лететь в эту дыру. Как же на самом деле он её любит. Неужели, чтобы понять это, нужно было забраться за 19 световых лет от родного дома? Чёрт побери! Откен зло стукнул кулаком по заправленной кровати. Ну почему он не сделал так, как она предлагала: не порвал этот долбаный контракт на мелкие клочки и не швырнул их в Обола?! В его наглую, тупую рожу! Ну и пусть бы с треском вылетел бы с работы! Пусть бы его упрятали в Антал! Пусть! Зато... вышел бы на свободу через пару лет с чистой совестью и начал бы жизнь заново с чистого листа. И Тана... Она бы ждала его и любила. Обязательно ждала бы. На кой хрен он сразу же после развода рванул в анабиозный центр и потребовал заморозить себя аж за полторы недели до вылета? Ледяной сон длиной в пять месяцев не принёс облегчения и не избавил от страданий.

Может, он сморозил большую глупость из-за того, что их так легко и быстро развели? Судья, старая матрона с узлом седых волос на затылке, едва узнала, куда не захотела лететь любимая женщина, тут же вынесла положительное решение о разводе. Тем более никаких имущественных споров у них

не возникло. Улетая на Свалку, Откен оставил Тане всё без исключения. Алименты на шестилетнюю Руму будет платить Министерство внутренних дел, где он официально работает. Всё заранее учли и прописали в договоре. Сволочи!

Больше пяти месяцев. С кем она теперь? Кому устраивает романтические вечера при свечах и с кем пьёт дорогое марочное вино? Кто теперь сидит на его диване и любит-ся чёрным кружевом её нижнего белья, которое так соблазнительно просвечивает сквозь тонкое платье с глубоким декольте? На душе так невыносимо грустно, так погано... Да пусть все местные витусы убираются к чёртовой матери!!! Откен вскочил на ноги. Он обязательно завалится в местный кабак и спустит все подъёмные. Ему всё равно нечего и некого поднимать! Он может запросто прожить в этом недоразвитом суперлюксе с видом на убогий сад хоть все двадцать лет! Откен направился к выходу.

Возле распахнутых створок лифта Откен вытащил из кармана наладонник и вывел карту Финдоса. Ближайший кабак с очень выразительным названием «Пьяный горняк» нашёл-ся на другой стороне Площади пионеров, всего-то и нужно пересечь местный парк.

Глава 4. Пэйнтбол

Чаг Ратаг, молодой парень 84 местных лет, закинув на плечо рюкзачок, торопливо вышел из дома. Входная дверь мягко спружинила на старом доводчике. А то бабахнула бы на всю улицу.

Суббота, шесть часов утра. Только-только включили дневное освещение. На улицах Финдоса тишина. Отсыпаются пролетарии. После длинной рабочей недели так приятно закинуть будильник подальше и поспать подольше, сколько душа пожелает. Но только не сейчас. Всего неделю назад Чаг справил долгожданное совершеннолетие, и теперь – Высшая лига ждёт! Дикое нетерпение распирает грудную клетку. Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! Чаг бодро, чуть ли не бегом, зашагал по Гороховой улице.

Пересекая пустые улицы и площади, поднявшись на эскалаторе на первый городской уровень, Чаг быстро добрался до неприметного технического туннеля на юго-восточной окраине города. Над невзрачной стальной дверью широкая надпись «Песчаная буря», под которой цветной рисунок: на отвесные скалы надвигается огромная тёмно-красная туча. Вывеска слева от двери более красноречива: «Клуб любителей пэйнтбола «Песчаная буря»». Чаг вошёл внутрь.

Когда-то здесь была техническая служба. То ли свет, то ли вода, то ли канализация – никто не помнит. Давно, лет

четыреста назад по календарю Дайзен 2, она переехала на четвёртый уровень. Власти города передали пейнтбольному клубу просторный цех, мастерские и душевые. Техническая служба до сих пор напоминает о себе низкими туннелями, кучей труб под потолком и светильниками в металлической сетке через каждые два метра.

Пройдя по коридору, Чаг вошёл в круглый зал для собраний. Слева небольшая сцена с маленькой трибуной и широким экраном. Справа ряды потёртых кресел с откидными сиденьями. И... никого.

Блин! Ну правильно. Чаг присел в кресло в первом ряду напротив трибуны. Обычно дорога до клуба занимает минут пятьдесят, а то и целый час, если не торопиться. Но сегодня вполне хватило тридцати. Раннее утро, пустые улицы и бесшумное нетерпение поддали ускорения. Ничего не поделаешь, придётся ждать.

Играть в пэйнтбол он начал в 45 лет, или, если перевести в стандартное летоисчисление, в 10. Как-то мама пожаловалась отцу на чересчур бойкого и неуправляемого Чага. «И вообще! Ему силы девать некуда!» – заявила родительница. Отец нашёл простое и мудрое решение – отвёл Чага в «Песчаную бурю».

Это сейчас, спустя много лет, смешно и приятно вспоминать, какой дикий восторг он пережил, когда получил в руки игрушечный автомат и начал гонять сверстников по Лягушатнику, игровому полигону для самых маленьких.

Пэйнтбольный автомат стреляет пластиковыми шариками с краской аж на 30 метров, зато огромный боезапас. Целых сорок шариков в специальном бачке, который торчит над стволом, мешает целиться и цепляется за всё подряд.

В первый же вечер, после «долгого и кровопролитного сражения», Чаг уснул без задних ног. Ежевечерний ритуал укладывания обошёлся без обязательного нытья и яростного нежелания чистить зубы. И понеслась! Папа, а в особенности мама, остались очень довольными. Чаг даже учиться начал с гораздо большим энтузиазмом и прилежностью. Еще бы! За двойку или плохое поведение можно было запросто остаться без очередной игры по выходным дням.

Шли годы. Чаг рос, мужал, умнел. Росли его амбиции, желания и финансовые возможности. Постепенно он вырос из Лягушатника и дорос до Завода – более серьёзного полигона, бывшего металлургического завода. Оборудование давно перевезли в другое место, но длинные цеха в несколько ярусов, бесконечные коридоры и лабиринты полутёмных туннелей остались.

На Заводе Чаг начал осваивать настоящее искусство войны. Вместо примитивной стрелялки он получил более крутое и серьёзное оружие. Новый пэйнтбольный автомат со снайперским прицелом и без дурацкого бачка над стволом гораздо больше похож на настоящий электромагнитный автомат космического пехотинца. Но на бывшем заводе восхождение по ступеням боевого мастерства только началось.

Круче войнушки красящими шариками может быть только Высшая лига и... красящая пуля.

Пластиковые шарики летят недалеко и бьют совершенно не больно. Даже простая куртка из плотной ткани легко заметит бронежилет. В разгар сражения вражеский игрок может запросто «прошить» автоматной очередью поперек спины, а ты и не заметишь. Подобный конфуз бывал неоднократно. И совершенно другое дело красящая пуля.

Пороховое оружие, в котором расширяющийся газ выталкивает из ствола стальную пулю, устарело более пяти веков назад по стандартному летоисчислению. Ещё до того, как на негостеприимном Дайзен 2 появилось первое поселение. Современное электромагнитное оружие, в котором мощный электромагнитный импульс разгоняет вольфрамовую пулю до скорости в несколько махов, бьёт архаичный порох по всем статьям.

Пятьсот местных лет назад тогдашний губернатор разрешил использовать пороховые автоматы с простейшими оптическими прицелами. Как и в старинном оружии, красящая пуля состоит из стальной гильзы с порохом и пластиковой пули с краской. Так появился знаменитый игровой автомат «Марка – 4-4» калибра 7 миллиметров. Но разницу между красящим шариком и красящей пулей Чаг прочувствовал на собственной шкуре в первом же бою.

Без дрожи в коленях и боли в груди до сих пор невозможно вспоминать первую игру в Высшей лиге. Да-а-а... Изоб-

ражая крутого бойца, Чаг выскочил из-за угла с автоматом наперевес. И... И получил три пули в грудь и ещё одну в голову.

Словно порывом штормового ветра его отбросило назад и повалило на спину. Такое впечатление, будто три дюжих молотобойца разом жახнули по груди стальными кувалдами, а четвёртый промазал и угодил в шлем. Адская боль перебила дыхание. Четвёртая пуля отозвалась в ушах диким звуком. Какое там продолжить бой! Его «убили» в самом начале большой игры. Охая и ахая, Чаг с превеликим трудом оторвался от пола и, с грехом пополам, убрался с поля боя. Как награда за проявленную глупость, на груди расцвели смачные синяки. Но синие пятна поперёк груди не отбили желания играть в пэйнтбол. Наоборот! Только раззадорили и подогрели дикий интерес в очередной игре найти и «пристрелить» обидчика.

Но и это ещё не всё. Только достигнув совершеннолетия, Чаг получил долгожданную возможность добраться до самого что ни на есть высшего уровня – сыграть на поверхности планеты. Вот где самая что ни на есть реальность и самая что ни на есть крутость.

Пришлось пройти специальные курсы. Полтора года кошмара, отбитых рук и гудящих от перенапряжения ног. Киборг, витус Леран, руководитель клуба, гонял новичков без жалости до полного изнеможения. Но иначе нельзя. Снаружи то жуткий холод, то жуткий зной и круглые сутки наполнен-

ная углекислым газом атмосфера. Любая небрежность или халатность грозит смертью. Дайзен 2 ошибок не прощает.

Но! Оно того стоило. Сегодня суббота, а значит – большая игра на поверхности планеты ждёт его! От нетерпения Чаг забарабанил кулаками по подлокотникам кресла. Сегодня соберётся много игроков. Сегодня он впервые наденет борг, возьмёт в руки автомат и примет участие в самом реальном игровом сражении. Вот почему в диком нетерпении, не чуя ног, Чаг прибежал в клуб аж за час до назначенного времени.

– О! Непоседа! Привет!

В зал для собраний, приветливо махнув рукой, вошёл высокий, широкоплечий Опон Чинин по прозвищу Шнык, однокурсник Чага по университету, друг и напарник по пэйнтболу.

– Привет, Шнык, – Чаг в ответ махнул рукой. – Что так рано?

– Это ты, Непоседа, рано припёрся! – Шнык с грохотом откинул сиденье и присел рядом. – Я вовремя. За мной целая толпа валит.

Словно подтверждая его слова, двери с треском распахнулись. В зал огромной гудящей толпой ввалились игроки. Со многими Чаг знаком лично, но большинство знает только по лицам. Игроки, громко переговариваясь между собой, разбрелись по залу. Перед каждой большой игрой Киборг проводит инструктаж – с этим у него строго.

– О! Видал? Дедаы! – Шнык, скосив глаза, показал на маленькую группу взрослых от 120 до 180 местных лет.

– Видал, – шёпотом ответил Чаг.

В пэйнтбол играет в основном молодёжь, кому ещё не исполнилось 95. Такова жизнь – игроки взрослеют и покидают клуб. Работа, карьера, семья не оставляют места для военизированной забавы. Но взрослеют не все. Те, кто по-прежнему каждые выходные проводят на пэйнтбольных полигонах, попадают в дедаы, в самую уважаемую категорию игроков. Да и как их не уважать? Это же самые опытные, самые опасные и самые крутые игроки клуба. Встреча с дедом на поле боя не сулит ничего хорошего – пристрелит, и носом шмыгнуть не успеешь.

– Сколько их? – прошептал Шнык.

– Я вчера список смотрел. По-моему, не меньше десяти, – так же тихо ответил Чаг.

– Во блин! Не приведи Создатель, – шёпотом ругнулся Шнык.

Понятно, о чём речь: встретиться с дедом в начале игры – сто процентная гарантия вылететь с игрового полигона с прострелянной пятой точкой. Говорят, очень обидно. Ни Шныку, ни самому Чагу до сегодняшнего дня сталкиваться с дедами не приходилось.

Зал для собраний быстро заполнился игроками. Это же... уйма народу! Чаг озабоченно посмотрел по сторонам. Одно дело прочитав в списке число 60, и совершенно другое уви-

деть этих самых 60 человек в маленьком зале. А ведь здесь не просто незрелая молодежь, у которой молоко на губах не обсохло, а Высшая лига! Элита пэйнтбольного клуба. Одни деды чего стоят.

Зато... глубоко в груди засверкал холодный шар предвкушения и азарта. Одна только мысль о предстоящем сражении выбрасывает в кровь убойную дозу адреналина. Схлестнуться с такими игроками на одном полигоне. Стенка на стенку. Кто кого. Да это же... Чаг нервно сглотнул.

Последним в зал для собраний вошёл витус Леран, зрелый мужчина старше двухсот лет, крепкий, невысокого роста. Говорят, очень сильный. За бешеный напор, за привычку во что бы то ни стало добиваться поставленных целей, ещё в детстве его прозвали Киборгом. Тогда же, ещё до работы в полиции, он крепко подсел на пэйнтбол. Говорят, горячее увлечение юности определило выбор профессии. Хотя... вряд ли работа в Управлении полиции приносит ему массу острых ощущений. Круче пьяной драки в местном кабаке в день полочки может быть только столкновение крутых тачек на самом загруженном перекрёстке. Это только жителям далёкой метрополии кажется, будто на Дайзен 2 царит криминальный беспредел. Да такой, что даже младенцы не засыпают в колыбельках без засунутого в подгузник пистолета.

Киборг поднялся на сцену. Возле маленькой трибуны он остановился и окинул взглядом наполненный игроками зал.

– Доброе утро, уважаемые! – громким, командным голо-

сом произнёс Киборг.

В ответ раздался несоборный хор приветствий, здравий и пожеланий не болеть. Пэйнтбольный клуб не армия, здесь не принято щёлкать каблуками по стойке смирно и орать во всё горло. Хотя на какой-то хрен Киборг всё же придумал строевую подготовку.

– Итак, не будем терять время! – заговорил Киборг, едва стих хор нескладных приветствий. – Инструктаж для новичков и прочую подготовку к игре мы провели вчера. Сегодня нас много, играем на Площадке по-крупному. По «карусели».

«Карусель»... Всего от одного единственного слова на душе наступила весна, расцвели цветы и запели соловьи. «Карусель»! «Карусель»! Обожаемая «карусель»! Пусть от «убитого» игрока по-прежнему требуется убраться с полигона как можно быстрее, зато потом, спустя каких-то тридцать минут, он снова может вернуться в бой. Было бы очень обидно в самом начале игры напороться на деда и вылететь с Площадки. А так, «по карусели», всегда остаётся шанс вернуться и в отместку «пристрелить» обидчика.

На маленькой трибуне Киборг нажал на кнопку. За его спиной тут же загорелся широкий экран. Чаг сощурил глаза. По знакомым очертаниям легко узнать Площадку, точнее, её план. Уж сколько по ней побегано и поползано. За полтора тренировочных года успел облапать каждый камень и облазить каждую канавку. Ну уж теперь-то хватит тренировоч-

ных забегов. Воевать пора.

– Задача, как обычно, – захватить флаг противника, – не оборачиваясь, заговорил Киборг. – Флаг синих здесь, флаг зелёных здесь. «Рай», соответственно, по близости за пределами игрового поля.

Зелёный крестик вверху – флаг команды зелёных, противник, значит. Синий крестик, флаг команды синих, свой, внизу напротив. Пусть план Площадки и без того хорошо знаком, но посмотреть ещё разок, уточнить где свои, где противник, лишним не бывает.

– Вопросы есть? – спросил Киборг.

Игроки возбуждённо загомонили, но вопросов не нашлось.

– Вот и отлично, – Киборг выключил экран. – Всем переодеться и вооружаться. На всё про всё у вас сорок минут. Новички! Не забудьте облегчиться.

Игроки поднялись с мест и нестройной толпой потянулись к выходу. Чаг, пока не отдавили ноги, быстро вскочил со складного кресла. Сиденье схлопнулось за спиной. От нетерпения чешутся руки.

– Ну что, Шнык, порвём зелёных, как Тузик грелку! – воскликнул Чаг.

– Как пить дать порвём! – Шнык поднялся следом. – Только, для начала, давай оденемся.

Как полноправному члену Высшей лиги Чагу полагается личный шкафчик в раздевалке. Борг – штука тяжёлая. Тас-

кать его каждый раз домой и обратно – никаких рук не хватит. Да ещё «Марка – 4-4» и разгрузка с боеприпасами. Чаг быстро нащёлкал на маленьком замочке четырёхзначных код и раскрыл дверцу. Вот он! Самая главная вещь в экипировке игрока Высшей лиги и пропуск на поверхность планеты.

Борг изобрели ещё самые первые колонисты. Космический скафандр штука чересчур дорогая, да и степеней защиты в нём слишком много. Пусть борг совершенно бесполезен в открытом космосе, зато на поверхности планеты ему цены нет. За полторы тысячи местных лет поселенцы довели конструкцию борга до совершенства.

В основе защитного костюма прочная эластичная ткань борг, которая совершенно не пропускает тепло. Конструкторы вполне резонно решили, что гораздо легче изолировать тело человека от окружающей среды, нежели греть костюм при минусовых температурах или охлаждать при плюсовых. Единственное, что требуется от системы жизнеобеспечения – утилизировать выделяемое телом человека тепло. Ну и, конечно же, снабжать лёгкие кислородом.

Чаг любовно погладил макушку защитного шлема. Быстро скинуть футболку, лёгкие сандалии и шорты. Только в очень дорогих моделях предусмотрено специальное бельё, которое впитывает выделения тела. У родителей Чага на подобную роскошь денег нет. Напоминание Киборга сходить в туалет и облегчиться не шутка, а самое что ни на есть серьёзное предупреждение. Чаг вытащил из пакета нательную ру-

башку с длинными рукавами и кальсоны. Придётся обойтись комплектом из хлопка. Пусть не месяцы, но один день отходить вполне реально. Да! Ещё трусы снять. Правила требуют.

Чаг быстро облачился в обтягивающий комплект нижнего белья и осторожно, словно боясь разбить хрупкую вещь, залез в борг. Толстая молния застёгнута, защитный костюм закупорен наглухо. Хоть сейчас выбегай на поверхность и валяй противников пачками. Но лёгкие словно скованы тяжёлой цепью. Судорожно вздохнув, Чаг дрожащей рукой откинул прозрачное забрало и с облегчением втянул воздух. Во неряха! Так ведь и задохнуться можно.

Вчера вечером лично вставил в ранец жизнеобеспечения четыре баллона с кислородом. Включать подачу полагается только перед самым выходом на поверхность. Запас не ахти какой, часов на восемь. К тому же один из баллонов считается неприкосновенным запасом. За наплевательское отношение к правилам техники безопасности, за то, что подвергаешь собственную жизнь смертельной опасности, Киборг в раз из клуба вышибет. С него станется.

Ладно, мелкая оплошность устранена. Из глубин личного шкафчика Чаг вытащил разгрузку, или, более официально, разгрузочный жилет. Конструкция предельно проста: на груди четыре кармана по два магазина каждый, на правом боку один большой под ещё четыре. Как говорит Киборг, патроны лишними не бывают. И последнее – игровой автомат «Марка – 4-4». Не будь пороховое оружие таким анахронизмом,

любители пэйнтбола до сих пор гонялись бы друг за другом с газовыми пукалками.

Шкафчик закрыт, кодовый замок повешен обратно. Можно идти к шлюзу, но Чаг задержался возле большого зеркала. Борг мало напоминает космический скафандр. Скорее, мягкий водолазный костюм. Округлый шлем плавно переходит в тело, шеи не видно. Обычно борги красят в контрастные цвета. В зелёный, например, чёрный или синий. Но для игровой модели, где заметность как раз лишняя, сделали небольшое исключение. Эх! Расцветка из тёмных и светлых оттенков красного была бы в самый раз. Но нейтральный серый цвет гораздо лучше синего или чёрного. Повернув голову вправо, Чаг любовался широкой синей полосой на плече – опознавательный знак, чтобы и свои не пристрелили и чтобы чужие не промахнулись.

– Что, красotka, любишься?

В широком зеркале отразился Шнык, ещё более массивный и неповоротливый в сером борге.

– Не люблюсь, а провожу последний осмотр, – деловито ответил Чаг.

– Да-а-а, – напыщенно протянул Шнык. – Не забудь кислородный шланг подсоединить.

Чаг улыбнулся. У борга нет выпирающих наружу кислородных шлангов. Этой шутке тысяча лет в субботу. Желая поддеть друга, Чаг ответил:

– Благодарю за предупреждение, уважаемый, но мой лич-

ный механик уже подключил кислородный шланг. Счёт на оплату я вам вышлю.

Ещё одна старая шутка, ответ на первую.

– Ладно, пошли, – Шнык отбросил маску напускной серьёзности. – Оделись все. До выхода две минуты.

Выйти на поверхность гораздо легче и быстрее, чем войти. Давление воздуха снаружи и внутри ничем не отличается. Всего и нужно закрыть за собой внутреннюю дверь и открыть внешнюю. Прогонять воздух внутри шлюза и насыщать его кислородом не требуется. Важнее не пустить внутрь царящую снаружи стужу. Минус сорок, всё-таки.

Когда подошла их очередь, Чаг захлопнул забрало и включил подачу кислорода. За спиной чуть слышно загудел моторчик. По спине, рукам и ногам растеклась приятная прохлада. Просто стоять в отключенном борге уже тепло. А если пробежать сотню другую метров, то можно запросто свариться в собственном поту. Система жизнеобеспечения исправно забирает лишнее тепло. Дышать внутри борга легко, даже приятно, если бы не противный привкус. Загнанный под большим давлением в маленький баллон кислород отдаёт металлом. Но противный привкус ощущается от силы пару минут. Потом привыкаешь и больше его не чувствуешь. Чаг сощурил глаза, когда, придерживая дверь шлюза, вышел наружу под яркие лучи восходящего над горизонтом Дайзена.

Суровый Дайзен 2 по-своему хорош. Красная долина,

сплошь изрезанная холмами и расщелинами, убегает далеко на юг. Где-то там возвышается гора Дошар. Какой же она высоты, если даже с расстояния трёх сотен километров можно разглядеть её остроконечную вершину? Чуть правее треугольная Щитовая гора, у подножия которой находится единственный на планете Космопорт имени Пилага. Маленькая шумная точка атмосферного челнока заходит на посадку. А на севере, разделив мир на две половинки, протянулся горный хребет – внешний край исполинского кратера Финдос.

Это каких же невероятных размеров был метеорит, если он оставил после себя исполинский кратер диаметром в 700 километров. Столица колонии находится на северной оконечности кратера. Более того: все без исключения города и посёлки, рудники и заводы растянулись вдоль его источенных водой и ветром хребтов. За три сотни стандартных лет люди едва-едва освоили кратер. Остальная часть Дайзен 2 по-прежнему пребывает в первозданном состоянии.

Площадка, самый крутой игровой полигон пэйнтбольного клуба, находится на южном склоне большой горы, в недрах которой укрыта столица планеты. Но склон настолько длинный и пологий, что скат в южную сторону заметить практически невозможно.

– Внимание! Синие! Ко мне! – раздался приказ Живучего. Живучий, дед пэйнтбольного клуба, в обычной жизни охотно откликается на имя Зол Афрон. Сегодня он команду-

ет маленькой армией синих. Живучий, стоя на плоском валу, нетерпеливо ждёт, пока игроки с синими полосками на плечах соберутся вокруг него. Перед началом большой игры Киборг уточнил правила, а сейчас командир изложит план сражения, который обязательно принесёт им победу над зелёными. Живучий не только чертовски живуч на поле боя, но ещё и великолепный командир. В настоящей армии ему бы командовать батальоном и лично водить солдат в атаку на укрепленные позиции противника.

Последние секунды перед боем самые длинные. Вот уж никогда бы не подумал, что минута может быть длиннее часа. План боевой операции как всегда прост и однозначен. Подразделения на исходных позициях ожидают приказ наступать. Ну а если без пафоса, то синие столпились на границе Площадки. В десяти метрах от ряда тонких пограничных столбов на высокой толстой трубе развивается синий треугольный флаг. Если до него доберётся хотя бы один зелёный...

Пальцы сжимают убойную «Марку». Пятки аж жжёт от нетерпения. Да когда же будет команда наступать?

План Живучего прост. Синие атакуют тремя группами. Две отвлекают внимание противника, третья штурмует флаг зелёных. Чаг воздел глаза к небесам. Было опасение, что Живучий оставит их со Шныком охранять флаг. Но обошлось – командир отправил их в одну из отвлекающих групп. А значит, их ждёт головокружительный бег, стремительная атака

и схватка с противником на просторах игрового полигона.

Было бы вообще здорово, если бы именно им удалось прорваться к флагу зелёных и сдёрнуть вожаденный кусок треугольного пластика. Новички и сразу такая удача.

Но! словно неприкаянная душа у границ рая, на задворках сознания бродит противная мысль: в отвлекающую группу Живучий отправил наименее ценное отделение. В реальности это значило бы, что командир отряда послал необстрелянных новобранцев на верную смерть. Хвала Великому Создателю! Пэйнтбол всего лишь игра.

– Шестое отделение. Вперёд!

Долгожданная команда пнула под зад. Чаг сорвался с места. Пограничные столбы вмиг остались за спиной. Впереди маячит спина Гуся, командира отделения. Более тяжёлый Шнык громко топает сзади.

Как здорово, что сейчас зима. Когда на тебе борг, то по барабану, сколько градусов снаружи. Но при минус сорока чувствуешь себя приятней, комфортней. На самый худой конец ментальная смерть не грозит.

Бежать легко и приятно. Зимние морозы выжали из атмосферы всю влагу. На восточной части чистейшего небосклона всю сияет великолепный Дайзен. Морозы и ветры утрамбовали выпавший снег. Присыпанный красной пылью наст скрепит, пытит, но держит. Камни, валуны и куски скал в изобилии разбросаны по игровому полю. Того и гляди споткнёшься.

А вот и Река!

Игровую Площадку почти посередине пересекает сухое русло. Весной по нему проносятся тонны мутной воды, но сейчас оно засыпано снегом. Самое главное – во что бы то ни стало успеть перескочить на ту сторону. Противоположный берег манит низеньким скалистым порогом и пугает открытым пространством. Река – великолепный рубеж обороны. Либо они сходу проскочат её, либо застрянут на её берегах. Зелёные не дураки. Голову на отсечение – противник несётся во всю прыть с той стороны полигона, чтобы занять позиции на её каменных берегах.

Чаг с ходу подпрыгнул как можно выше и сиганул в заснеженное русло. Твёрдый наст взорвался под ступнями. Ноги по самую щиколотку ушли в пыльный снег. Тело по инерции пронесло вперёд. Чаг ударился грудью о твёрдый наст. Автомат прищемил пальцы.

Ну как ребёнок. Ей-богу.

Засорять радиоканал руганью категорически запрещено. Чаг, урча от напряжения, выполз на четвереньках на твёрдый наст и поднялся на ноги. Шнык, пользуясь его глупостью, вырвался вперёд и первым добежал до противоположного берега. А Гусь не только успел выбраться на ту сторону, но и скрыться за большими камнями. Чаг припустил со всех ног. Ещё только не хватало отстать.

Прыжок! Мелкий камешек выскользнул из-под левой ноги. Река, самый опасный рубеж, осталась позади. Но те-

перь они на территории врага. Нужно соблюдать предельную осторожность. А то можно запросто напороться на засаду.

– Внимание! – по радиоканалу долетела команда Гуся. – Переходим на шаг! Быть начеку!

Чаг тут же снизил темп. Передохнуть бы, вытереть пот, но левая рука напрасно прошлась по герметичному шлему. Что поделаешь, Чаг тряхнул головой, от гражданских привычек не так легко избавиться. А вот это хуже: приятная прохлада сменилась холодом. Система жизнеобеспечения работает с небольшим запозданием. Как только переходишь с бега на шаг, тело резко уменьшает выброс тепла. То, что ещё минуту назад было хорошо, сейчас слишком прохладно. Но – ничего. Не стоит обращать внимания, автоматика отработает как надо.

Пусть пэйнтбол всего лишь игра, но воевать их учили по-настоящему. Отделение выстроилось в колонну по одному. Между игроками не меньше четырёх метров. Чаг встал последним, значит, ему смотреть за правой стороной. Но про тыл и прочие стороны лучше не забывать.

То ускоряя шаг на открытых местах, то обходя засыпанные снегом расщелины и осторожно выглядывая из-за больших камней, цепочка игроков быстро продвигается вперёд. Кажется, будто глаза вот-вот вылезут из орбит, а уши оторвутся от напряжения. Нервы. Нервы. Всё нервы! Малейший щелчок, и сердце, словно резиновый мячик, скачет в груди.

Отделение продвинулось вглубь Площадки на километр,

почти половина игрового полигона. Эх! Вот так бы и до флагштока зелёных дойти. Но не судьба.

– Противник на 45 градусов! – пролетел по радио взволнованный голос.

– Отделение! К бою! Огонь! – тут же скомандовал Гусь.

Па-а-анеслась! Чаг дёрнулся влево под высокий валун.

Какое облегчение. Как будто тащил на себе тяжеленный мешок и, наконец-то, сбросил его с плеч. Чаг опустился на колено и прицелился. Метрах в пятидесяти мелькают силуэты игроков противника.

Очень важно первым открыть огонь. Тогда неожиданность, тогда противник несёт большие потери. В перекрестье прицела Чаг поймал ближайшую фигуру. Палец плавно нажал на спусковой крючок.

Автомат оглушительно грохнул. Приклад толкнул в плечо. Справа загремели выстрелы товарищей. Фигурка впереди рухнула на землю. Попал? Черта лысого!

Рядом о камень вжикнула пуля. Ответный огонь, слишком быстро, чёрт побери! И... и больше никого не видно. Игроки противника попадали на землю или укрылись за ближайшими камнями. Чаг заводил автоматом в разные стороны.

Вспышка справа. Палец утопил спусковой крючок. Выстрел. Что-то серое – выстрел. А там шевелится – ещё выстрел. Пуля за пулей Чаг упорно пытается подстрелить хоть кого-нибудь. Но... не судьба.

По правилам игры, «убитому» полагается встать в пол-

ный рост, поднять руки высоко над головой и отойти в тыл метров на двадцать. И лишь затем, по кратчайшему пути, обратиться с Площадки. Но нет никого! Хоть глаза сорви от натуги.

– Чёрт! – невольное ругательство слетело с губ.

И впрямь самое время поминать нечистого. Противники заметили друг друга одновременно. Подобное, хоть и редко, но бывает. Фактор внезапности показал язык как синим, так и зелёным. Сколько игроков у противника – не понять. Так можно воевать до бесконечности. Или дожидаться, пока тебя обойдут с флангов. Ещё одна пуля вжикнула в опасной близости. Нужно менять позицию. Пристрелялись, гады!

Чаг обогнул высокий камень и залёг на новом месте.

– Непоседа! Прикрывай! Остальные – отходим! – приказ командира отделения.

– Есть! – отозвался Чаг.

Стрельба справа тут же смолкла. Товарищи по отделению начали отход.

Сейчас полезут. Точно полезут. Раз противник прекратил стрельбу, значит, пользуясь складками местности, пытается уйти. Будут преследовать. На той стороне разом поднялось несколько сгорбленных фигур. На плече ближайшего горит зелёная полоска. Но Гусь не зря оставил его для прикрытия. Ну, сволочи, ловите! Чаг поймал в прицел ближайшего зелёного и плавно нажал на спуск.

Грохот выстрела разорвал напряжённую тишину. Зелёные

опять рухнули на землю. Пусть Чаг один, но всё равно не даёт противнику просто так, безнаказанно, броситься в погоню. Но! Срочно сменить позицию. Сейчас за него возьмутся. Чаг дёрнулся под защиту камня. Снег рядом вспух маленькими фонтанчиками.

А-а-а! Сволочи! Ловите! Чаг подобрал под себя ноги и рывком перескочил за плоский камень рядом перед собой. За спиной вжикнули пули.

Кровь ударила в голову. Сердце бьётся, как сумасшедшее.

Опасно? Ещё как! Зато Чаг, скользя по снегу, проскочил через открытое пространство между камнями и скрылся за новым укрытием. А теперь ищите! Черти! Чаг затормозил ногой, развернулся на месте и высунул автомат наружу. Время.

Классика. Одни бегут, другие прикрывают. Но и зелёные уроки не прогуливали. Несколько фигур опасно двинулись в обход. Ясно, сволочи, в клещи берут. Чаг, не целясь, нажал на спусковой крючок. Автомат задёргался в руках.

Щелчок, а выстрела нет. Во блин! Магазин пуст. Чаг отвалился под защиту камня.

– Непоседа! Пошёл!

Гусь, ты мой дорогой!

– Есть! – отозвался Чаг.

Пустой магазин в подсумок, полный воткнуть. Чаг крутанулся на месте. Ногами оттолкнуться от камня и по снежку, по снежку, проскользнуть в тыл метра на три. А теперь

рывок в мелкую расщелину. Чаг, стряхнув со шлема хлопья снега, вскочил на ноги. Рядом щелкнула пуля, синие капли окрасили снег. Под ногами ещё одна. Над головой свистнула третья. А вот хрен вам!

Классика. Классика. Всё классика! Задача отделения – оттянуть на себя внимание противника. Но их слишком мало, чтобы организовать полноценную круговую оборону. Нужно уходить. Пока Чаг прикрывал товарищей, шестое отделение отошло метров на пятьдесят и теперь дружно прикрывает его. Так и есть! Проскочив мимо очередного камня, Чаг заметил серую фигуру с синей полосой на плече.

– Гусь! Непоседа прибыл! – отрапортовал Чаг.

– Отделение! В отрыв! Бего-о-ом!!!

Не снижая темпа, Чаг рванул дальше. Слева с земли подскочил Шнык. Друга легко узнать по массивной фигуре.

– Поворот! Девяносто! Бего-о-ом! – новый приказ.

Правильно. Правильно. Всё правильно! Отделение оторвалось отседающего противника. Теперь бы затеряться на просторах Площадки, заодно продолжить выполнение задания. Но! Наглость – наказуема. Час расплаты пробил. Удача, как капризная девица, рано или поздно сделает ручкой. Чаг вырвался вперёд и наткнулся на серые фигуры с зелеными плечами.

– Противник! Прямо! Контакт! – выкрикнул Чаг.

Рычажок переводчика на автоматический огонь. Чаг, упав на колени, резанул длинной очередью. А теперь в укрытие.

Чаг прыгнул вперёд. Острые камешки царапнули грудь. Борг противно скрипнул, когда Чаг упал на барханчик снега. Инерция пронесла по насту. Ствол автомата вперёд. Огонь. Огонь. Ещё огонь! Автомат задёргался в руках.

Щёлк. Магазин пуст. Да что ж они так быстро кончаются?!

Кувырок через левое плечо. Ранец жизнеобеспечения скрипнул на мелких камешках. Чаг задел тот самый валун, за которым хотел спрятаться. Рядом, разбрызгивая снег, защёлкали пули.

Голову вжать в плечи. Извиваясь всем телом, словно уж на сковородке, Чаг отполз за валун. Пустой магазин – прочь. Из разгрузки – полный. А теперь повоюем.

Чаг упал на живот и выставил ствол наружу.

Во засада – враг рядом. Ответные вспышки слепят глаза. Видно, как из автоматов вылетают стреляные гильзы. Пороховой газ чёрными тучками уходит в небо. Мелькают стволы, головы, руки, ноги. Чаг, стараясь экономить патроны, остервенело отстреливается короткими очередями. Достать. Достать противника! Заставить убраться под прикрытие камней и не дать, не дать стрелять в ответ.

Щёлк. Магазин пуст. Да сколько ж можно?! Чаг отдёргнулся под прикрытие камня. Полный магазин как можно скорей. Но... Что за чёрт? В паре сантиметров щёлкнула пуля. Синие капли запачкали забрало. Тут же по спине, по ранцу жизнеобеспечения прошлась барабанная дробь.

Извернувшись всем телом, Чаг что есть сил дёрнулся в

сторону. Вовремя! На прежнем месте маленькими фонтанчиками взорвался снег.

Во чёрт! Обошли с тыла. Как смогли? Игрок с зелёными полосками стоит на одном колене и уверенно, словно в тире, лупит прямой наводкой.

Ах ты гадина! Чаг дёрнул спусковой крючок. Но... поздно.

– Вы убиты, – произнёс приятный женский голос.

Убит, как пить дать. В отчаянье Чаг несколько раз надавил на спусковой крючок. Но автоматика уже отключила «Марку». Блин! Противник об этом не знает. Цепочка фонтанчиков едва не чиркнула по ноге.

Чёрт!!! Это же больно! Чаг отбросил автомат в сторону и поднял руки над головой. Его убили, и с этим уже ничего не поделаешь. Следующая очередь запросто может полоснуть поперёк груди.

Пронесло! Зелёный задрал автомат вверх.

Но... что это? Противник, как ни в чём не бывало, встал в полный рост и отправился по своим делам.

Горячка боя пульсирует в крови. Руки чешутся – так и хочется подобрать автомат, подбежать к противнику и разбить об его голову пластиковый приклад. Чтоб неповадно было. А потом, когда упадёт, добить ногами. Но воспоминания об адской боли удержали на месте. Получить очередь в упор ну ни как не хочется. Разум взял верх над эмоциями. Чаг опасно подобрал автомат, на всякий случай опять поднял руки

как можно выше над головой и встал с утыканной синими кляксами земли.

Во засада – бой закончился. То тут, то там поднимаются игроки противника. У каждого на плечах сверкают зелёные полосы. Но... где свои? Синие? А вон где...

За пределами Площадки, за чертой из тонких стальных столбов, шестое отделение собралось в полном составе. Как раз его одного и не хватает. Товарищи по игре вопросительно смотрят на него. Понятно: отряд выполнил поставленную задачу и пал смертью храбрых. Итог вполне предсказуем. Тяжело вздохнув, Чаг побрёл прочь с Площадки.

Эх! А как надеялся сорвать флаг зелёных... Победа. Слава. Какой успех для новичка... И почему переполненная эмоциями душа никогда не слушает холодных доводов разума?

– Молоток, Непоседа.

Радиоканал ожил, едва Чаг пересёк границу игрового полигона.

– Ты продержался больше меня на целую минуту, – Чаг узнал Шныка.

– Так что, это, я самый последний? – удивился Чаг.

– В точку! – радостно воскликнул Шнык. – Зелёных не меньше десятка. Они нас слопали. Схарчили. Окружили на триста шестьдесят градусов и пристрелили.

На борге друга блестят синие пятна. Да-а-а... Похоже, Шныку досталось по самое ни хочу. «Кровавая» цепочка на-

искось пересекает грудь. Ещё несколько отметин на ногах и на левом плече. Это же больно! Но Шнык держится очень даже ничего. Через прозрачное забрало просвечивает широкая улыбка до ушей.

– А мы хоть кого-нибудь пристрелили? – с надеждой спросил Чаг.

– Не знаю, не видел, – огорчил Шнык. – Пока ты там героически погибал, я остальных пораспрашивал. Но они тоже никого с задранными лапками не видели.

– Хреново, – заметил Чаг.

– Да не грусти ты так! Для нас игра ещё не закончена. Пошли в «рай», – Шнык хлопнул Чага по плечу.

– Пошли, – Чаг повесил автомат на шею.

Самое обидное: не понять – пристрелил он хоть кого-нибудь или нет? Неужели пять полных магазинов, целых 150 патронов, и всё впустую? Разгромив шестое отделение, зелёные молча встали и ушли. Да нет, конечно же, болтают без умолку, но на своём радиоканале, куда синих не пускают по определению. Таковы правила игры. Те же правила предписывают «павшим в бою» топтать в «рай» и ждать целых полчаса, прежде чем снова вернуться на поле боя.

Полчаса, тридцать стандартных минут – это много или мало? Смотря с чем сравнивать. Чаг на ходу поправил автомат. Отец, к примеру, очень любит зависать в туалете с ридером. Может запросто просидеть и тридцать минут, и сорок. Абсолютный рекорд, который однажды зафиксировала ма-

ма, один час две минуты. А на поле боя, тем более на таком крошечном, всего два на два километра, полчаса – это очень и очень много. Команда может вплотную подойти к победе, прижать противника к флагштоку, и всё равно проиграть.

Неторопливо шагая вдоль границы, друзья за десять минут дошли до места сбора. После горячки боя опять стало холодно. Аж мороз по коже. То ли система жизнеобеспечения барахлит, то ли опять пресловутая задержка. Надо спросить, как-нибудь.

В «раю», за пределами Площадки, напротив флагштока, толкотня страшная. На камнях, на ящиках и прямо на земле сидит не меньше десяти человек. Это же, Чаг аж замер на месте от удивления, треть синих! А сколько ещё «убитых», огибая игровой полигон, бредёт к точке сбора? Ужас!

– Ёлы–палы! – ругнулся Шнык. – Это что же получается? Мы напрасно отдали свои драгоценные жизни во имя великой цели?

Стараясь не глядеть на друга, Чаг громко скомандовал:

– Компьютер! Общий радиоканал для находящихся в точке сбора команды синих.

Щелчок.

– Нас порвали, как Тузик грелку! – произнёс чей-то очень злой голос.

– Мужики! Что за хрень? – Чаг громогласно вклинился в разговор.

«Покойники» дружно повернули головы в их сторону.

– А! Пополнение, – воскликнул чей-то голос. – Хреново дело, мужики. Совсем хреново.

– Мы, то есть центральный отвлекающий отряд, вышли прямо к флагу зелёных, – перебил чей-то голос, – но направились на сильную оборону.

– А мы, то есть главный штурмовой отряд, – продолжил третий, – угодили напрямиком в засаду. Вот – загораем. Знаешь ли.

– Двое или трое из ловушки выскользнули. Ушли. Они там, у флага зелёных, партизанят, – добавил ещё чей-то голос.

– В общем, мужики, хреново дело, – опять заговорил первый голос, наверно самый ближний игрок. – Во! Опять.

Даже сквозь шлем слышно, как в районе флага синих разгорается стрельба. Одиночные выстрелы всё чаще и чаще сменяются длинными очередями.

Действительно – хреново. Живучий, командир синих, бросил на штурм почти все силы. Для обороны флага оставил всего пятерых игроков. Но атака сорвалась. Чёрт! Так и проиграть недолго.

От дикого нетерпения хочется взвыть по-собачьи. Какие там полчаса? Последние двадцать минут показались длиннее двадцати лет. «Вылечить раны», соскрести с борга синие пятна, – минутное дело. Обычная краска сохнет быстро и не липнет. С пополнением боезапаса пришлось повозиться.

От нервного возбуждения дрожат пальцы. Гладкие патро-

ны выскальзывают из рук и падают на землю. Чаг распечатал очередной пластиковый контейнер с боеприпасами. Пять магазинов снаряжал целых десять минут. Для сравнения, в более спокойной обстановке вполне хватило бы трёх. Но лучше бы провозился все двадцать – какое-никакое, а занятие.

Игроки мучительно медленно покидают «рай». Отсидев тридцать минут, каждый срывается с маленького старта возле ряда тонких столбов и убегает на игровой полигон, где стрекотание автоматов давно слилось в сплошной гул. Смухлевать, скосить хотя бы пару секунд – невозможно. Небольшая модификация, и компьютер борга надёжно фиксирует каждое попадание, тут же отрубает радиосвязь и клинит автомат. Металлические столбы по периметру Площадки следят за перемещениями игроков. Пока «убитый» не уберётся с поля боя, никакой связи с внешним миром. А чтобы вновь заработал автомат, нужно добраться до «рая» и отсидеть положенные полчаса. В общем, система контроля простая, но эффективная. Мухлевать, искать дыры – себе дороже. Гораздо проще играть по правилам: коль «подстрелили» – лапки кверху и вон с поля боя.

Вот, сопя от возбуждения, убежал Шнык. Но «убитых» в «раю» меньше не становится. На каждого «воскресшего» к точке сбора подтягивается парочка «мертвецов». Хреново дело. Очень хреново. Бой пульсирует совсем рядом с флаш-штоком. То удаляется от него, то разгорается с новой силой

чуть ли не у самого столба. Синим никак не получается отбить атаку зелёных и перейти в контрнаступление. Чаг, словно спортсмен на беговой дорожке, замер на старте с автоматом наперевес. Граница игрового поля тянет к себе. Манит. Как голодного кусок хлеба. Ну когда же?!

– Ваше время...

Чаг сорвался с места.

– ...истекло, вы можете вернуться в игру, – сообщил приятный женский голос.

В мгновение Чаг перескочил границу и выкрикнул во всё горло:

– Непоседа в игре!!!

– Понял. Левый фланг. Живо! – приказал Живучий.

Поворот налево, чуть не занесло. Чёрт! Через десяток метров пришлось встать.

С другой стороны, очень даже хорошо, что борги не имеют маскировочной окраски. Серый цвет великолепно выделяется на красном фоне. Впереди игрок, повернувшись боком, пугливо обходит огромный камень. Что-то здесь не так. Чаг присел на колени и поднял автомат.

Во засада! На плече игрока блестит зелёная полоса. Прорыв! Как пить дать прорыв. Зелёные почти прошли. Опоздай хотя бы на минуту... К чёрту! На полминуты. Противник обязательно взломал бы левый фланг.

Первое желание – рвануть вперёд и палить, палить во все стороны! Но Чаг остался на месте. Не нужно бежать, орать

и пугать противника дикими воплями. Лучше как следует прицелиться. Тонкие линии сетки пересеклись на груди зелёного. Чаг плавно нажал на спуск, а потом ещё и ещё раз.

Попал? Точняк попал! Зелёный дёрнулся всем телом, повалился на огромный камень и, ничего не понимая, замотал головой. Наконец подстреленный нехотя встал в полный рост, задрал ручки и побрёл в тыл. Чаг едва не задохнулся от восторга. Да-а-а! Высшая лига, большая игра и первая персональная победа. Но расслабляться ни в коем разе нельзя.

Сначала осмотреть местность. Так. Синие полосы на плечах игрока, который лежит за тем огромным камнем. Правее, прижимаясь спиной к валуну, сидит ещё один синий, автомат перезаряжает. А между ними... дыра! Самая настоящая дыра. Вот где просочился зелёный. Заткнуть. Срочно заткнуть! Во что бы то ни стало заткнуть.

Чаг рывком вскочил на ноги и побежал к тому самому проходу между камней, через который ушёл зелёный. Большой палец сам передвинул рычажок переводчика на автоматический огонь. Сейчас от «Марки» потребуется вся огневая мощь.

Упав на колени, Чаг, как на санках, проехал по запылённому снегу и ударился плечом о высокий камень. Проход совсем рядом, только руку протяни. Упав на правый бок, Чаг высунулся из-за укрытия.

Во засада! Да сколько же вас? Длинной очередью Чаг ре-

занул первого зелёного. Синие пятна перекинулись на борг второго, что крался чуть дальше. Но третий, зараза, успел упасть в низкую расщелину. Снаружи только задница.

Щёлк. Что за чёрт? Опять пустой? Очередями патроны только влёт.

Чаг откинулся под защиту камня и перезарядил автомат. Пустой магазин в подсумок, полный – на место. На всё пять секунд. В боевой обстановке побил собственный рекорд – вот что значит жизненная необходимость. Пора. Чаг снова высунулся в проход между камнями и ужом, отталкиваясь от стенок ногами, пополз вперёд на более удобную позицию.

Секунд тридцать в запасе есть. «Подстреленные» зелёные едва успели очухаться и двинуть с поля боя задрав лапки – отличная защита. Противник не будет стрелять по своим, пусть даже «мёртвым» товарищам. Вовремя! Чаг едва успел соскользнуть в неглубокую ямку и выставить наружу ствол, как в его сторону застрочили сразу два автомата.

Хрен вам! Подавитесь, сволочи. Кругом высокие камни. Зелёным придётся либо пробираться через узкие проходы, либо прыгать с камня на камень. Второй вариант – самый надёжный способ свернуть шею. Чаг успел проскользнуть через проход между камнями и занять очень удобную позицию на развилке. Мелкая ямка весьма сомнительная защита, зато он разом контролирует несколько проходов. Скорее Мирем станет колонией Дайзен 2, чем зелёные выкурят его отсюда. Стреляя одиночными, Чаг упорно не даёт зелёным вы-

сунуться.

Огонь. Огонь. Ещё огонь! Заменить пустой магазин на полный и снова огонь. Время сжалось до бесконечных рывков из стороны в сторону, скрип ствола о камень и шипения выброшенных на пыльный снег гильз. И вдруг разом смолкли все автоматы. В ушах зазвенела неприятная тишина.

– Игра окончена. Синие проиграли, – произнёс приятный женский голос.

Чаг вставил полный магазин, передёрнул затвор и вновь нажал на спусковой крючок. В ответ бесполезный щелчок. Игра действительно окончена. Тратить боеприпасы незачем. Красящие пули пригодятся в следующий раз. А на сегодня – всё. Чаг смачно стукнулся головой о снежный наст. Плотно сжатые зубы едва не треснули от напряжения и обиды.

Какая досада... Какая... Какая... Так надеялся выиграть самую первую большую игру. Как было бы круто начать карьеру в Высшей лиге с триумфальной победы. Но – не судьба. Всё, что остаётся: подняться с земли, отряхнуть с колен пыльный снег и направиться к поверженному флагу.

Далеко не у всех синих игроков железные нервы. Общий радиоканал взорвался потоками грязной ругани. Проигравшие разом выплеснули эмоции. В грубой мешанине слов и междометий ни черта не понять, да и не требуется. Чаг, постукивая прикладом по камням, поплёлся к поверженному флагштоку. Мимо, грубо столкнув в сторону, пробежал зелёный. Радует, сволочь. Спешит присоединиться к всеоб-

щему веселью.

На открытом пространстве перед флагштоком творится буйное языческое действие, сатанинские пляски и всеобщее помешательство в одном флаконе. Зелёные скачут и трясут автоматами, как впавшие в глубокий религиозный экстаз дикари на старичке Миреме. Один из игроков прыгает выше всех и вертит над головой треугольным куском синего пластика. Ещё только из автоматов не пуляют. Не зря, однако, оружие заклинено. А то, чего доброго, перестреляли бы друг друга к чёртовой матери.

Как бы ни хотелось проигравшим поскорей свернуть игру, но победителям нужно дать время насладиться заслуженной победой. Ну и пусть скачут, как сбежавшие из зоопарка бабуины. Чаг, стараясь не замечать прыгающих от радости зелёных, направился к точке сбора команды синих.

В противовес победителям, синие, как говорится, повесили носы. От общей кучи нахохлившихся игроков отделилась массивная фигура. По одной только тяжёлой походке легко узнать друга.

– Баста! Непоседа, – Шнык перешёл на приватный канал связи. – На сегодня нас поимели.

– Я и без тебя вижу, – раздражённо ответил Чаг. – Ты можешь объяснить, как оно так вышло?

– Увы! – Шнык развёл руками. – Могу и со всеми подробностями: зелёные большим отрядом проломил нашу оборону в центре. Я там был и получил пару пуль в пятую точку.

Шнык выразительно потёр пострадавший зад.

– Ладно, – Чаг повесил автомат на плечо, – будет и на нашей улице праздник.

– Вот что мне в тебе мне нравится, Непоседа, так это как ты умеешь смиряться с неизбежным, – воскликнул Шнык и тут же предложил: – Давай, сразу после разбора полётов, завалимся ко мне на обед. Я навоевал зверский аппетит. Назовём самый большой кусок свинины «Командой зелёных», разрежем его на маленькие кусочки и съедем. А для верности утопим их в бутылочке великолепного вина. Как ни крути, а сегодня у нас с тобой дебют.

Чаг невольно улыбнулся. Родителя Шныка владеют небольшим кафе на Зерновой улице. Что-что, а готовить мама Шныка любит и умеет.

– Давай, давай соглашайся, дурья башка, – Шнык упорно настаивает на своём. – Заодно папа поведаст нам дивную историю о том, как вчера днём в «Пьяный горняк» завалился новоявленный Главный погонщик и за какой-то час налился в сосиску.

– Да ну! – недоверчиво воскликнул Чаг.

– В хлам! – заверил Шнык. – В одну харю прикончил пару бутылок вина, а уж пиво не в счёт. Громогласно пообещал всех зеков прижать к ногтю. А потом отрубился прямо мордой в салат.

Рассказ о пьяной выходке нового начальника Глотки обещает быть весьма красочным, папа Шныка великолепный

рассказчик. Да и пообедать не помешает.

– Ну-у-у, если за твой счёт, то давай, – согласился Чаг.

– Внимание! – на общем канале загредел голос Киборга. – Игра окончена. Всем игрокам вернуться в клуб. После собраться в главном зале для разбора прошедшей игры. Кто не придёт – очень много потеряет.

На разборе игры Киборг рассказал немало поучительных подробностей о поражении синих. Торшер, командир зелёных, очень хорошо знает о большом пристрастии Живучего к стремительным атакам, на чём и построил собственный план. Зелёные не стали ломиться всей толпой к флагштоку синих, а организовали большую засаду на одном из возможных направлений атаки. Не иначе сама фортуна улыбнулась Торшеру: ударный отряд синих угодил точно в расставленные силки.

Вот куда, оказывается, убежал фактор внезапности. Первый же залп выбил половину атакующих. Потом, пользуясь численным превосходством, зелёные добились ударный отряд. Только Живучий, в очередной раз подтвердив собственное прозвище, сумел выбраться.

Шестое отделение, в котором воевали Чаг и Шнык, наткнулось на заградительный отряд зелёных и оттянуло на себя ещё один. Второй отвлекающий отряд синих сумел дойти чуть ли не до флагштока, но завяз в бою возле него. Когда заградительные отряды разгромили шестое отделение, то они быстро вернулись и ударили в тыл синим. Ну а дальше

– дело техники.

Собрав все силы, Торшер навалился на флагшток синих. Как отметил Киборг: «Самое настоящее чудо, что синим удалось продержаться так долго и даже расширить плацдарм обороны». Но... Одного упорства малочисленных защитников оказалось мало. Торшер ещё разок обошёл Живучего.

Таранным ударом в центре зелёные проломили оборону синих. Неважно, что две трети атакующих «погибло» на месте. Один из зелёных добежал-таки до флагштока и сорвал синий флаг.

Глава 5. Передача власти

Кассен Откен, новый Главный погонщик Глотки, вежливо постучался в дверь кабинета всё ещё действующего начальника тюрьмы и тут же вошёл. Угора Тсен, миловидная секретарша в голубенькой блузке, хлопая покрашенными глазами, с удивлением уставилась на него.

Ну конечно же! Весть о позавчерашней выходке в «Пьяном горняке» облетела всю Свалку. В субботу утром Откен очнулся у себя в номере, мягко говоря, в очень неприглядном виде. Аборигены ждали от него «продолжения банкета». Ан нет! Откен самым решительным образом взял самого себя за шкуру и вытряхнул всю дурь. На встречу с витусом Рекоу Откен явился в самом что ни на есть респектабельном виде: чёрная форма тюремного надзирателя тщательно выстирана и поглажена, ботинки сияют полировкой, а под глазами ни малейшего намёка на пьяный загул.

– Доброе утро, угора, – вежливо поздоровался Откен. – Могу ли я видеть витуса Рекоу?

Секретарша справилась с удивлением и мило прощобетала:

– Да, да, витус Откен. Витус Рекоу ждёт вас. Разрешите, я доложу.

Пока секретарша тыкала покрашенным ноготком в иконку вызова и ждала ответ, Откен посмотрел по сторонам. Не

густо. Стены и потолок маленькой приёмной обиты большими листами светло-коричневой фанеры под дуб. Широкий стол, за которым восседает миловидная секретарша, небольшой сейф и даже маленький уютный диван для посетителей отделаны декоративными дощечками. На первый взгляд неказисто и просто, но на Свалке нет лесов. По местным меркам, древесина – роскошь. Её же за 19 световых лет везти надо. Только состоятельные граждане могут похвастаться деревянным столом в гостиной, или деревянным креслом-качалкой у телевизора. Так что приёмная начальника тюрьмы отделана дорого и шикарно. Может быть, даже со вкусом.

– Прошу вас, проходите – пригласила секретарша. – Витус Рекоу ждёт вас.

– Благодарю, – ответил Откен.

Для приличия Откен постучал в дверь ещё раз и, повернув деревянную ручку, вошёл внутрь.

– Очень! Очень! Очень рад вас видеть! – витус Рекоу аж выпрыгнул из-за стола.

Для мужчины, который уже разменял пять десятков лет, витус Рекоу очень даже хорошо сохранился. Широкая лысина ни капли не портит его внешность, а наоборот – добавляет солидности. Округлое лицо и пухлые губы в широченной улыбке. Всё ещё действующий начальник тюрьмы светится от радости, как малыш при виде сладкой конфеты. Черт побери! Откен на мгновенье замер на пороге кабинета. Рекоу и в самом деле рад его видеть.

– Нет! Нет! Прошу вас! Давайте присядем вот сюда, – витус Рекоу показал на круглый чайный столик.

Откен без малейшего интереса пожал протянутую для приветствия мягкую ладошку и присел в глубокое кресло возле столика.

– Гафая, голубушка, будь добра, – витус Рекоу вызвал секретаршу. – Принеси нам кофе.

– Сию минуту, витус, – ответила секретарша и отключилась.

Пользуясь случаем, Откен осмотрел свой будущий кабинет – та же деревянная роскошь. Внушительный и тяжёлый рабочий стол целиком и полностью изготовлен из широких досок. Столешница, правда, не деревянная, а вполне современный электронный рабочий стол. Высокое окно наглухо закрыто плотными шторами. Административный корпус тюрьмы построен на поверхности планеты – единственное исключение для Свалки. Как несложно догадаться, унылый пейзаж за стеклом не радует витуса Рекоу. Всё ещё действующий начальник Глотки – уроженец Мирема. Стены кабинета обшиты почти такими же широкими листами фанеры под дуб, только более приятного оттенка.

– Очень и очень рад вас видеть, – витус Рекоу присел в соседнее кресло.

– Разрешите узнать, почему, витус? – как бы между прочим, продолжая играть роль вежливого посетителя, поинтересовался Откен.

Но витус Рекоу ответил прямо в лоб:

– Витус Откен, давайте не будем разводить светские разговоры с приятными лицами. Вы прекрасно знаете, почему я крайне рад вас видеть – срок моего контракта истёк ещё два года тому назад. То есть, – витус Рекоу на секунду задумался, – почти шесть стандартных месяцев тому назад.

Откен с трудом подавил презрительную улыбку. Этот лысый динозавр так давно живёт на Свалке, что окончательно перешёл на местное летоисчисление.

– Я целиком и полностью отмотал свой срок и с превеликой радостью отдам вам этот кабинет, тюрьму Глот и красавицу Гафаю в придачу. Только не пытайтесь затащить её в постель, – неожиданно предупредил витус Рекоу. – Она замужем. Женщин на Дайзен 2 не хватает. В припадке ревности её муж запросто может всадить вам нож в спину. Но это так, к слову.

С текущими хозяйственными и организационными делами, списками заключённых, финансами и прочими документами вы разберётесь сами. Я передам вам код доступа.

Служебный дом освобожу дня через три–четыре. Завтра днём, на приёме у губернатора, официально передам вам полномочия начальника тюрьмы. А сейчас разрешите сказать вам то, что вы не найдёте ни в одной инструкции, ни...

Витус Рекоу умолк на полуслове. С лёгким стуком открылась входная дверь. В кабинет, соблазнительно покачивая гладкими бёдрами, вошла угора Тсен с металлическим под-

носом. Воздух наполнился приятным запахом кофе.

– О! Гафая! Ты – прелесть, – витус Рекоу повернулся к секретарше.

– Приятного аппетита, – угора Тсен ослепительно улыбнулась.

Секретарша ловко поставила на столик две чашки кофе, вазочку с сахарным песком и тарелочку печенья. Угора Тсен, бросив на прощанье любопытный взгляд, вышла из кабинета.

Откен проводил секретаршу глазами. Трудно поверить, но старик и в самом деле очень рад его видеть. Подобная встреча на самом Миреме за гранью фантастики. Если бы его и в самом деле повысили бы до начальника тюрьмы Антал, то старый пень витус Обол, прежний начальник, так бы от радости не прыгал. Скорее всего, он нацарапал бы на электронном столе код доступа и вышел бы из кабинета, шипя от злости и разбрызгивая ядовитую слюну. А этот довольный жизнью толстячок готов от радости запрыгнуть на чайный столик и станцевать стриптиз.

Едва сексапильная секретарша закрыла за собой дверь, как витус Рекоу вновь стал серьёзным.

– Так вот, витус Откен. Я знаю, что в Антале вы работали замом по безопасности. Но Дайзен 2 это не Мирем. Очень и очень далеко не Мирем.

В тюрьме Глот содержится около 50 тысяч заключённых. Персонал тюрьмы, включая милостивую Гафая, всего 407

человек. На одного надзирателя приходится более 250 заключённых.

– Это ещё много, – возразил Откен. – В Антале на одного надзирателя приходится более четырёх сотен заключённых.

– Верно, – легко согласился витус Рекоу, но тут же добавил. – Один пастух справится и с тысячью баранов. Но здесь, в Глотке, сидят волки. Те, кто настолько агрессивен и неисправим, что заслужил право быть отправленным на Дайзен 2. Им нечего терять. Их уже лишили прописки на Миреме и выслали за пределы метрополии. Всё! Они на дне. Падать дальше некуда.

Что верно, то верно: четвёртую сотню лет метрополия исправно сливает на Свалку помои.

– Начальство на Миреме считает, что бежать заключённым всё равно некуда, и доблестно игнорирует все мои мольбы увеличить штат тюрьмы. Да и не только мои. Все, кто только занимал этот кабинет, как об стенку бились, но с тем же нулевым результатом.

В Глотке за полторы тысячи лет, то есть за три сотни стандартных, среди заключённых сложилась своя иерархия: авторитет, блатные, роботы, шавки и даже обиженные. Подробности вы узнаете у зама по безопасности. Сейчас от вас требуется понять самое главное: авторитет и блатные держат всю эту буйную братию в узде. Фактически они теньевая администрация тюрьмы.

– Ну вы, блин, даёте! – от удивления Откен подался впе-

рѣд. – До такой степени потакать заключѣнным. Это слишком. Что дальше? Публичные выборы начальника тюрьмы?

На вполне справедливое замечание витус Рекоу отреагировал очень странно. Он не стал оправдываться или хамить, а виновато улыбнулся.

– И я точно так же считал когда-то... – медленно протянул витус Рекоу. – Мы вынуждены потакать заключѣнным, освободить часть из них от работы, чтобы остальные исправно вкалывали, а рудник выдавал на гора план.

Витус Рекоу сделал пару больших глотков кофе, отломил половинку печенья и продолжил:

– Какой бы порочной ни была существующая система, но на ней и только на ней держится порядок и работоспособность рудника. Я настоятельно, настырно, очень даже советую вам – не меняйте её. Не пытайтесь переделать её и даже трогать. У вас всё равно ничего не получится. Верхушка заключѣнных не будет работать из принципа. Для блатного, и тем более для самого авторитета, взять в руки лопату или отбойный молоток равносильно самоубийству. Его авторитет тут же разлетится в пух и в прах.

– Ну уж дудки, – возразил Откен. – Позвольте с вами не согласиться. Преступники должны работать. Все! До единого. Никаких поблажек и никаких привилегий.

Откен вновь с трудом сдержал себя. Так и подмывает сказать этому блеющему идиоту что-нибудь резкое и очень гадкое.

– Превеликий Создатель. Неужели и я был таким горячим девяносто лет назад, – неожиданно произнёс витус Рекоу. – Точнее, двадцать стандартных лет тому назад.

Витус Рекоу прискорбно улыбнулся:

– Я ведь тоже пытался навести порядок, раздать блатным отбойные молотки, чтобы было как на Миреме. Но... Повторяю: здесь вам не метрополия, а...

– Знаю, знаю – Свалка, – зло отмахнулся Откен.

Витус Рекоу тут же подобрался, распрямил спину и тихо зашептал:

– Витус Откен, никогда. Вы слышите? Никогда не называйте Дайзен 2 Свалкой. Местные крайне не любят это... прозвище. Иначе у вас будут преогромные неприятности с персоналом. Они же сплошь аборигены. Вплоть до того, что булочник будет продавать вам позавчерашние булочки под видом свежих.

– Ну... Это мы ещё посмотрим, – ответил Откен.

Витус Рекоу залпом допил кофе. Забытая половинка недоеденного печенья осталась лежать на тарелочке. Всё ещё действующий начальник тюрьмы, даже не стараясь скрыть отчаянье, произнёс:

– Витус Откен! Прислушайтесь к моим словам. Завтра днём всё это хозяйство, – витус Рекоу широко развёл руками, – будет вашим. А вам тут ещё двадцать лет париться.

То ли от волнения, то ли от бессилия, начальник тюрьмы забыл про местный календарь и перешёл на стандартное ле-

тоисчисление.

– Ваш совет запоздал, – Откен злорадно улыбнулся. – Позавчера днём, в баре, какой-то зачуханный абориген из-за своей любимой Свалки полез на меня в драку.

От столь дерзкого признания витус Рекоу испуганно отшатнулся. В кабинете повисла напряжённая тишина. Витус Рекоу, резко сменив тему, спросил:

– Витус Откен, по себе знаю, добровольцем на Дайзен 2 никто не едет. А вы по какой причине подписали контракт?

Откен напрягся. Кровь прилипла к щекам, глаза сузились, а к горлу подкатил горький ком. Треснуть бы этого болвана по башке.

– Не ваше дело. Уважаемый.

Последнее слово прозвучало как грязное ругательство. Но на грубость витус Рекоу никак не отреагировал. Наверно, и не рассчитывал на откровенный ответ.

Интерес к разговору окончательно пропал. Этот старый дурак не сказал ничего действительно важного или хотя бы интересного. Только расписался в собственной трусости и бессилии. Да ещё в душе покопаться удумал. Не! Ему точно следует треснуть по башке. Может, тогда мозги заведутся.

– Надеюсь, у вас найдётся свободный кабинет с хорошим рабочим столом? – Откен поднялся из кресла.

– Да, конечно, – витус Рекоу встал следом. – Налево по коридору крайняя дверь под номером 78. Мы специально держим его свободным, так сказать, резервное рабочее место,

на всякий случай. Пойдёмте, я провожу вас.

– Не стоит, – возразил Откен. – Раз все кабинеты в административном здании пронумерованы, то я и сам легко его найду. До свидания, – произнёс Откен. – Если что понадобится, я непременно свяжусь с вами лично.

– Всего хорошего, – витус Рекоу слегка поклонился.

Треснуть бы на прощанье дверью, чтоб смазливая секретарша подпрыгнула от испуга. Откен вышел в приёмную. Неужели и он сам через двадцать лет превратится в точно такого же слащавого идиота? Не бывать!!! Никогда! Лучше он перевернёт здесь всё с ног на голову. Точнее, наоборот – с головы обратно на ноги.

Дверь за спиной громко хлопнула. Пусть не настолько сильно, чтобы красавица Гафая испугалась, но достаточно, чтобы она нахмурила своё прекрасное личико.

Глава 6. Предупреждение

– И почему каждый раз повторяется одна и та же история.

Тихо, почти про себя, прошептал Рекоу, когда витус Откен, долгожданный преемник, вышел из кабинета. Как прощальный салют, дверь хлопнула за его спиной.

За полторы тысячи местных лет сложилась «добрая» традиция: каждый новый Главный погонщик пытается сломать порочную систему взаимоотношений между заключёнными и администрацией тюрьмы, и так же, при первом знакомстве, хлопает дверью. Но без кардинальной перестройки всего института исполнения наказаний свернуть её невозможно. Она сложилась поперёк воли самых первых Главных погонщиков и за прошедшие столетия только доказала жизнеспособность, необходимость да и живучесть, если честно.

Больше 20 стандартных лет тому назад он сам точно так же обозвал про себя витуса Несота слащавым слабаком и приспособленцем. Точно так же вышел из кабинета и с треском закрыл за собой дверь. Тяжело вздохнув, Рекоу вернулся за рабочий стол.

Большое кресло мягкое и очень удобное. Электронный стол включён. В левом верхнем углу папка с входящими документами горит зелёным цветом. Нужно бы её открыть и продолжить работу. За выходные, как обычно, набежала куча дел, но...

Рекоу откинулся на мягкую спинку кресла. Неожиданно нахлынуло чувство полнейшего безразличия. То, что ещё полчаса назад казалось важным и значительным, разом превратилось в ничтожное и мелочное. Заключённые, дисциплина, выработка, план... Сменщик прибыл. Менее чем через сутки витус Откен получит всё это хозяйство. Чёрт с ней, с зелёной папкой с входящими документами.

Согласно всё той же «доброй» традиции, новый начальник Глотки пять—семь местных лет будет беситься, подгонять суровую действительность под строгие буквы устава, ругаться и обзывать губернатора нехорошими словами. Этим витус Откен никого не удивит и не обрадует. Все новые Погонщики заводились так. А потом махали на всё рукой и начинали тихо ждать, когда истечёт прописанный в контракте срок. Но что-то в витусе Откене настораживает. Понять бы ещё что?

Желание заниматься текущими делами пропало окончательно и бесповоротно. Рекоу развернулся на кресле спиной к рабочему столу. В конце концов, сегодня у него последний рабочий день. Как говорят зеки в подобных случаях? С вещами на выход! Новый начальник – мужчина в самом расцвете сил, высокий, мускулистый. Наверняка каждое утро бегаёт по десять километров и два раза в неделю посещает тренажёрный зал. К тому же злой, как пёс бездомный. Вот пусть и разбирается с журналом расхода кислорода и с количеством списанных арестантских роб. Лучше проверить

ящички стола.

Но, едва Рекоу развернулся и вытащил верхний правый ящик, как тут же задвинул его обратно.

Вот оно что! Витус Откен злой. Очень злой. Он даже не пытается примириться с действительностью. Ещё ни один новый начальник тюрьмы не начинал жизнь на Дайзен 2 с грандиозной попойки в баре и с драки с простым шахтёром. Личная жизнь витуса Откена рассыпалась в прах, когда он подписал кабальный контракт. Знать бы ещё, на чём его подловили. Впрочем, как раз об этом можно будет спросить губернатора на завтрашнем приёме.

К чёрту работу! Рекоу поднялся с кресла и вышел в приёмную.

– Гафая, голубушка, – Рекоу остановился перед секретаршей. – Если что, я на обходе. Если кто будет настаивать, то я решил в последний раз проведать Профа.

– Фу! Витус, – угора Тсен сморщила симпатичное личико. – Сдался вам этот Проф. Я про него столько гадостей слышала. Говорят, он гей!

– Знаю, знаю, – Рекоу еда успел спрятать улыбку. – Но с моей стороны будет очень не вежливо не попрощаться со своим первым заместителем по теневой администрации.

Рекоу постарался обратить всё в шутку, но угора Тсен только махнула наманикюренной ручкой. В коридоре Рекоу обошёл стороной распахнутые двери лифта. Лучше в последний раз прогуляться по тюрьме пешком.

Странно? Рекоу вновь вышел в длинный общий коридор. Все эти бесконечные девяносто лет он как-то не обращал внимания на внутреннее убранство административного корпуса, да и на всю тюрьму в целом. Просто перемещался из пункта «А» в пункт «Б»: из лифта в кабинет, из кабинета в зал для собраний, из зала для собраний в столовую, из столовой обратно в кабинет. А ведь в административном корпусе Глотки много чего белого цвета: стены, потолки, даже пожарный щит на развилке покрашен белой краской. Под ногами мягко пружинит ковровая дорожка из дешёвой синтетики. Рекоу на миг остановился и потёр её носком ботинка. Сколько же ей лет? За все эти годы он не подписал ни одной сметы по замене покрытия в административном здании. На поворотах и перекрёстках с потолка глазают стеклянные полусферы видеокамер. Просто, казённо и скучно.

Пост №1, пара толстых решёток с маленькими дверцами отделяют мир заключённых от мира свободных жителей Дайзен 2. Пузатый надзиратель лихо выскочил из-за стола, но Рекоу только махнул рукой:

– Сиди. Я проведу Профа и сразу обратно.

– Как скажете.

Охранник изо всех сил старается сохранить деловой и сосредоточенный вид, но на его располневшем лице, как на экране хорошего телевизора, без труда читается вздох облегчения. Раз начальник тюрьмы решил прогуляться один, то, значит, точно не потащит за собой.

Пост №1 отделяет административные помещения от собственно тюрьмы. Немногочисленным работницам Глотки категорически запрещено даже приближаться к Посту №1. Та же угора Тсен, симпатичная секретарша, никогда не приближалась к стальным решёткам, и, дай бог, никогда не приблизится.

Несложное механическое приспособление между стальными решётками позволяет открывать маленькие дверцы только по очереди – ещё одна далеко не лишняя предосторожность. Рекоу отошёл от Поста №1 метров на десять, но остановился и обернулся.

Эти решётки заключённые пересекают дважды. Первый раз, когда прибывают в тюрьму. Второй, когда её покидают. Но для многих хватает и одного раза. По долгу службы ему приходилось бесчисленное количество раз проходить через эти двойные решётки. Но, к чему обманывать самого себя, он сам был не намного свободней одетых в красные робы заключённых. Они мотали свой срок в общих камерах по эту сторону, а он в комфортабельном кабинете с занавешенным окном по ту.

Заблудиться в жилой части тюрьмы невозможно. В параллельных коридорах дорогу найдёт даже слепой. Эскалаторы для перехода с уровня на уровень или пассажирский лифт заключённым не полагается. Рекоу спустился по бетонной лестнице на четвёртый уровень. В конце самого дальнего бокового прохода находится камера №491.

Самая знаменитая на весь Дайзен 2 камера находится не просто на самом нижнем жилом уровне, а в самом дальнем его конце. Дорожит собственной безопасностью авторитет, ещё как дорожит. Перед закрытым входом развалился здоровенный амбал. Кожа на гладко выбритом затылке собралась глубокими складками. Не зря подобных субъектов с прокисшими мозгами и накаченными мускулами называют быками.

Услышав шаги, амбал напрягся и резко обернулся. Глаза маленькие, тупые, но очень подозрительные. Узнав Рекоу, бык нехотя оторвал зад от металлической табуретки и с шумом отодвинул решётчатую дверь. Пропуска не потребовал, и то ладно.

Стандартная камера №491 рассчитана на двадцать заключённых, но живёт в ней всего десять человек. Лишние койки убраны. На свободном пяточке огорожен душ с персональным туалетом и оборудована мини-качалка: спортивная скамья со стойками и штангой, пара стеллажей с комплектом съёмных дисков и внушительный набор гирь. На толстом крючке висит боксёрская груша.

На спортивной скамье, кряхтя от натуги, под тяжёлой штангой, лежит ещё один бык из окружения авторитета. Ещё крупнее и толще первого у входа. Подняв штангу, бык с шумом уронил её на стойки и присел. Растопыренной пятернёй охранник смахнул с лица обильную испарину. На руднике быки не работают, делать им нечего, вот и качают мускулатуру сутки напролёт.

Подобных типов нужно держать в психушке на расслабляющих препаратах. Но суд, по неизвестным причинам, признал их вполне вменяемыми и отправил на Дайзен 2. Наверно, по соображениям экономии. Судьбой сосланных на Свалку многочисленные общественные организации Мирема не интересуются вовсе. За 90 местных лет ни один эмиссар так называемых борцов за права человека не появился в Космопорту имени Пилага.

У дальней стены в потёртом кресле из кожаменителя сидит Тул Фудилов по кличке Проф. На авторитете стандартная для зеков красная тюремная роба, но тщательно постиранная и поглаженная. Заложив ногу за ногу, Проф держит в руке старенький ридер.

Недалеко от Профа, показывая всему миру тощий зад, на четвереньках ползает шестёрка. Авторитету по должности не полагается пачкать руки о разные там отбойные молотки, кувалды или, упаси господи, половые тряпки. Но кто-то должен каждый день мыть в камере пол и вытирать под коечками вездесущую пыль.

Профу больше шестидесяти стандартных лет. В молодости он работал в Институте фундаментальных исследований. Говорят, был талантливым физиком. Но... страсть к материальной стороне жизни погубила его. Тул Фудилов провернул грандиозную аферу. Через несколько влиятельных телеканалов раструбил на весь мир о грядущем создании генератора искусственной гравитации. Благодаря бешеной популярно-

сти ему удалось выбить из правительства аж несколько миллиардов виртов. Сумма громадная, в четыре раза больше годового бюджета Дайзен 2.

На Итаге, естественном спутнике Мирема, специально для него построили научно-исследовательский институт. Несколько крупных строительных компаний в кратчайший срок возвели целый посёлок и солидные промышленные мощности. Казалось... Вот! Вот! Ещё немного. И человечество, наконец, получил долгожданный генератор искусственной гравитации. Но...

В те же СМИ, что двумя годами ранее вовсю расхваливали Тула Фудилова, просочились слухи о финансовых махинациях при строительстве научно-исследовательского комплекса. Телезрителей особенно позабавило кресло витуса Фудилова, за которое, согласно предъявленным документам, заплатили аж 100 тысяч виртов налогоплательщиков. Вслед за сенсационными телепередачами на Итагу десантировалась парламентская комиссия и такое там накопала.

Никаких исследований Тул Фудиллов не вёл в принципе, только создавал видимость. Зато активно ворочал громадными суммами, выделенными на генератор искусственной гравитации. За солидные откаты распределял строительные подряды и закупки. На Миреме Фудиллов построил прекрасный особняк в три этажа, с шестью туалетами и одной сауной. Солидными взятками сумел подмазать не только высших чиновников Института фундаментальных иссле-

дований, но и политиков в администрации президента.

Скандал вышел грандиозным. Рекоу был в то время молодым надзирателем тюрьмы Камшбот и смотрел судебные разбирательства по делу Фудилова, как лихо закрученный детектив. После оглашения приговора на Свалку отправили самую образованную за всю историю Дайзен 2 партию заключённых. И вот, став начальником Глотки, Рекоу нашёл здесь чёрную легенду финансового мира.

Великий Создатель наделил Фудилова могучим умом и великолепными организаторскими способностями. Проф быстро взобрался на вершину уголовной иерархии. Срок его заключения истёк семь стандартных лет тому назад. Фудиллов вполне мог бы выйти на свободу, но авторитет предпочёл остаться. Ну не дурак же он менять потёртое кресло тюремного авторитета на лом и лопату бесправного работника на далёкой ферме на южной оконечности кратера Финдос. И таких, как он, за долгую историю Глотки накопилось больше двух тысяч. Именно этот контингент вечных заключённых составляет теневую администрацию тюрьмы.

Рекоу подошёл к Профу и нарочно громко произнёс:

– Добрый день, Проф.

Авторитет оторвал взгляд от ридера.

– А-а-а! Добрый день, гражданин начальник. Прошу вас – присаживайтесь, – панибратским тоном предложил авторитет.

Проф ведёт себя так, словно он здесь самый главный. Хо-

тя, нужно признать, так оно и есть. С Профом вполне можно разговаривать, если не обращать внимания на его словесные понты и непристойные жесты.

Рекоу осторожно присел на коечку напротив кресла и спросил:

– Проф, ты слышал о новом Главном погонщике?

– Конечно, – ответил Проф. – Пару дней назад его с метрополии скинули.

– Тогда, может быть, ты слышал о его выходке в «Пьяном горняке»?

– О-о-о! – притворно удивился Проф. – По Глотке уже анекдоты ходят.

Ещё одно правило, которое вовремя не успел усвоить витус Откен: Дайзен 2 подобен маленькому глухому городку, где слухи и сплетни разлетаются быстрее официальных сообщений. Да и верят им больше. Заключённые ещё в глаза не видели нового начальника, но уже составили о нём весьма нелицеприятное мнение. Трудно будет витусу Откёну, ох как трудно.

– Тогда ты должен знать, что он собирается с вами сделать, – не спрашивая, а утверждая, произнес Рекоу.

– Ну-у-у, не он первый, не он последний, – неопределённо ответил Проф. – Ты и сам, в своё время, пытался всучить мне отбойный молоток.

Рекоу поморщился. Было дело. До сих пор крайне неприятно вспоминать об этом.

– Можешь считать меня паникёром – мне уже фиолетово, – заявил Рекоу. – Я разговаривал с витусом Откеном полчаса назад. Он очень, ты слышишь, очень мне не понравился. Этот верзила с накаченными бицепсами под самую макушку набит злостью. У него внутри всё кипит и пенится. Того и гляди – рванёт, как атомная бомба. Его жена бросила.

– Так это ж со всеми так! – авторитет едва не подавился смехом. – И тебя жена бросила, и меня. Вон! Даже губернатор, самая жирная лягушка в нашем болоте, и тот на Свалку холостяком прилетел.

– Всё это так, – легко согласился Рекоу. – Я отстал от тебя, когда женился. А витус Откен ещё не пережил развода, ещё не смирился с неизбежным и ещё не нашёл другую женщину. С аборигенками он уже поссорился, заочно. От воздержания, понимаешь...

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Проф.

– Психология является важной и неотъемлемой частью обучения тюремного надзирателя, – словно цитируя учебник, ответил Рекоу. – Чем в более скверном расположении духа находится человек, тем легче понять его сущность. Я, вообще-то, с тобой попрощаться пришёл. Ну не могу же я напоследок не проведать своего первого заместителя по теневой администрации.

Проф широко улыбнулся. Авторитет падок на лесть.

– Так что, Тул Фудиллов, не кашлять тебе, – Рекоу поднялся с койки.

Проф, стрельнув глазами на ползающего под ногами шестёрку, неожиданно спросил:

– Зачем вы меня предупредили?

Тюремная жизнь с её вечными интригами не на жизнь, а на смерть приучила Профа искать подвох во всём и подозревать собственное отражение в зеркале.

– Это моя благодарность, Проф. Спасибо тебе, что все эти двадцать лет держал Глотку за глотку, – невольно скаламбурил Рекоу. – Да и месть, куда уж без неё. Витус Окрен слишком громко хлопает дверью. Ну всё. Удачи тебе.

Теперь можно уходить с чистой совестью. Авторитет так и остался сидеть в потёртом кресле, но ридер в руки не взял. Проходя мимо охранника у входа, Рекоу недовольно покосил на короткую дубинку на поясе быка.

Если к обычной металлической трубке приварить пять коротких толстых пластин, а рукоятку для удобства обмотать тканью или кожаным ремешком, то получится очень страшное холодное оружие. Нож или заточка для тупого быка – оружие слишком умное. А вот дубинка с торчащими во все стороны убойными пластинами – в самый раз. Рекоу отвернулся. За 20 лет не раз и не два приходилось подписывать липовые отчёты о несчастных случаях, когда на проверку очередной труп оказывался густо утыканным характерными прямоугольными ранами. Но – судьбой зеков никто не интересуется. Далёкий Мирем больше волнует поставки меди, никеля, кобальта, а не судьба сосланных на Свалку отбросов.

Изувеченные трупы уходят в ненасытное жерло тюремного крематория, где вместе с бранным телом сгорает правда и справедливость. И... ничего в этой жизни не меняется.

По тюремному уставу холодное и тем более электромагнитное оружие категорически запрещено. Чтобы не провоцировать заключённых, надзиратели не носят даже баллончики со слезоточивым газом. А на деле? Если быки не стесняются начальника тюрьмы, то страшно подумать, какие арсеналы запрятаны у зеков в мастерских, в камерах под полом и, особенно, в бесконечном лабиринте медного рудника.

Рекоу вышел из камеры №491. В любом случае, дубинка на поясе охранника уже не его забота. Если новый Главный погонщик настолько крут, как заявляет, то пусть попробует отобрать у тупого быка с накаченными ушами его любимую игрушку.

Не останавливаясь, машинально кивая на приветствия заключённых и надзирателей, Рекоу быстро дошёл до приёмной своего кабинета.

– Гафая, голубушка, – Рекоу остановился возле секретарши. – Тебе обязательно нужно сменить работу.

– Вы меня увольняете? – угора Тсен удивлённо захлопала глазками.

– Ну что вы! Да как я могу? Сегодня у меня последний рабочий день. Как раз сейчас начну паковать чемоданы.

– И на прощанье решили меня уволить?

– Нет! Что вы! Конечно, нет. Только, – Рекоу опёрся ладо-

нями о столешницу и доверительно наклонился к секретарше. – В воздухе запахло жареным, милая моя. Витус Откен может выкинуть такое, такое, от чего в Глотке сначала будет очень жарко, а потом очень холодно. Я всего лишь горю желанием предостеречь вас.

– Ах! Это, – угора Тсен расслабленно рассмеялась. – Благодарю вас за заботу, витус, но, я думаю, витус Откен переберется и всё будет как прежде.

– Да будет на то воля Великого Создателя, – Рекоу печально вздохнул. – Тогда отмени все запланированные на сегодня дела. Если кто будет спрашивать, то можешь прямо так и сказать: старый Погонщик стойло сдаёт, а новый принимает – им обоим некогда.

Рекоу зашёл в кабинет и аккуратно закрыл за собой дверь.

Глава 7. Разговор с губернатором

Кресло для посетителей в приёмной губернатора большое и мягкое. Так приятно прислониться к высокой спинке и положить руки на широкие подлокотники... Выспаться можно, не хуже, чем в собственной кровати. Но Рекоу не до комфорта.

Часы над столом секретарши показали 9:45. До официальной передачи полномочий осталось всего пятнадцать минут. В приёмной вот-вот появится витус Откен. Рекоу специально прибыл на полчаса раньше, чтобы поговорить с губернатором с глазу на глаз. Но витус Гажан как обычно изображает из себя крайне занятого государственного деятеля и всё никак не может его принять.

Да-а-а. Тяжело общаться с человеком, который страдает манией величия, да ещё и в самом деле облечён большой властью. Да какие у него дела? Сидит за столом и «лечится» после вчерашнего. Витус Гажан прикладывается к бутылочке каждый день. Удивительно, как за двадцать восемь местных лет он умудрился не спиться окончательно?

На столе секретарши запищал сигнал вызова.

– Витус Рекоу, – угора Равер, блондинка с тонкими холёными ручками, секретарша губернатора, ослепительно улыбнулась, – прошу вас. Витус Гажан вас примет.

Рекоу, стараясь скрыть раздражение, с трудом выбрался

из глубокого кресла. Часы над головой сексапильной угоры Равер показывают 9 часов 51 минуту.

– Разрешите? – Рекоу открыл дверь в кабинет губернатора.

– Да. Да. Прошу вас.

Витус Гажан сама любезность: слащавая улыбка, розовые щёчки, сверкающие от радости глаза. Губернатор ростом невелик, но больно худ для столь солидной должности. Деловой костюм мешком висит на его тощих плечах. При всём при том губернатор обожает плотно покушать и особенно выпить. И, конечно же, никогда не отказывается от приглашений на торжественный обед или деловой ужин. Ещё бы – пожрать на халяву.

Стол губернатора девственно чист. В воздухе витает аромат вина. Окно распахнуто настежь. С высоты третьего этажа видны треугольные вершины ёлок на Площади пионеров. Витус Гажан так часто «лечится» в своём кабинете, что запах спиртного пропитал мебель и мягкую обивку стен.

– Присаживайтесь, – витус Гажан показал на кресло возле стола. – Чем обязан столь раннему визиту?

– Любопытство, уважаемый, любопытство, – Рекоу присел в кресло для посетителей. – И только вы можете мне помочь.

– Ну что вы! – витус Гажан театрально всплеснул руками. – Вы явно переоцениваете мои скромные возможности.

Не прошло и месяца, как тюремные медики подняли изо льда витуса Гажана, как Рекоу раскусил характер нового гу-

бернатора: очередной неудачник, любит власть больше, чем заслуживает, но по-особому. Витус Гажан обожает внешние проявления высокой должности, помариновать посетителя в приёмной хотя бы пять минут без всякой причины из той же оперы. Манипулировать таким типом легко. Главное удовлетворять его глупые амбиции и нелепые пристрастия. Словно играя второстепенную роль в театральной постановке, Рекоу произнёс:

– Уважаемый, это вы себя недооцениваете. На вас колония держится. Если вы не сможете мне помочь, то уже никто не сможет.

– Хорошо, – витус Гажан упёрся локтями в столешницу. – Что вы хотите знать?

Дозрел. Губернатор потешил самолюбие, убедился в собственной незаменимости и дошёл до более обстоятельного разговора.

– Видите ли, – осторожно заговорил Рекоу. – Витус Откен. Мне... очень хотелось бы знать, за какие грехи или провинности его отправили к нам?

Витус Гажан хитро улыбнулся. Он как губернатор колонии, как исполнительная, законодательная и судебная власть в одном лице, обладает доступом ко всем личным делам. И, конечно же, не упустил случая покопаться в грязном белье нового начальника тюрьмы.

– Да. Я читал личное дело витуса Откена, – губернатор до последнего тянет удовольствие. – И мне известно, по какой

причине его сплавили к нам...

Рекоу внутренне напрягся. Неужели подтвердится одна очень плохая догадка. Витус Гажан опять хитро улыбнулся и резко выпалил:

– За рукоприкладство!

Проклятье! Рекоу сжал кулаки. Хуже и быть не может. Губернатор, весьма довольный произведённым эффектом, расслабленно откинулся на спинку кресла.

– Обычное дело, витус Рекоу, – продолжил губернатор. – Тюремный надзиратель дал по морде чересчур бойкому заключённому. Витус Откен мужик горячий, вспыльчивый, к тому же физически сильный, говорят. С него станется. В иной ситуации инцидент замяли бы, и все дела. Подумаешь, заключённый упал с лестницы и слегка ушибся. С кем не бывает. Но! По причинам, о которых мы можем только догадываться, витус Обол, начальник тюрьмы Антал, дал делу ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.